ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

СЕМЕЙНАГО ВОСПИТАНІЯ И ОБУЧЕНІЯ.

ВЫПУСКЪ LV.

Современное семейное воспитаніе въ Россіи.

Н. В. Казмина.

Редакторъ *П. Каптеревъ.*
Завѣдывающій изданіемъ *Алексѣй Альмедингенъ.*
Адресъ редакціи: СПБ., Захарьевская, д. 1, кв. 7.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Типографія М. М. Стасюлевича. С.-Петербургъ, Вас. остр., 5 лин., 28.

Современное семейное воспитаніе въ Россіи.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Жизнь семьи тѣснѣйшимъ образомъ связана съ общей жизнью государства. Семейныя отношенія создаются различно въ различныхъ странахъ, въ зависимости, въ конечномъ счетѣ, отъ тѣхъ же факторовъ, которые создаютъ и строй государства: отъ природы, богатства страны, подъема экономической производительности, характера народа, уровня его культурности и т. д.

Современная русская семья болѣетъ многими недугами, причины которыхъ лежатъ далеко внѣ ея и излѣченіе которыхъ также не зависитъ отъ ея единичныхъ усилій. Прежде всего бросается въ глаза необыкновенное разнообразіе семейныхъ отношеній и самое пестрое разнообразіе семейнаго воспитанія.

Историческое прошлое русскаго народа не дало здоровыхъ традицій, примѣненіе и развитіе которыхъ могло бы создать единую національную систему воспитанія. Татарщина, крѣпостничество, чиновничій и полицейскій гнетъ, многовѣковое безправіе—внесли гнетъ и безправіе и въ русскую семью, придавили личность, создали типичное русское безволіе, безучастность ко всему, что выходитъ за границы собственнаго часто-

кола, тяжелое недовѣріе къ личнымъ усиліямъ, которое такъ образно выражается грустной народной поговоркой: «ничего не подѣлаешь».

Интеллигентная семья, возвысившаяся надъ общимъ низкимъ уровнемъ культурности, увидѣла всю ненормальность традиціоннаго строя русской семьи и первобытную грубость нашего національнаго воспитанія. Ей приходилось не продолжать и развивать традиціи прошлаго, а, напротивъ, болѣе или менѣе рѣзко порвать съ ними и искать на сторонѣ, въ болѣе культурныхъ странахъ, иныхъ педагогическихъ идеаловъ, иныхъ системъ и пріемовъ воспитанія. Нужно было эти свѣтлые идеалы, эти разумныя системы перенести на русскую почву, приспособить ихъ къ національнымъ особенностямъ славянскаго характера, къ условіямъ русской природы и жизни. Но послѣднее — дѣло трудное. Русская интеллигентная семья поступила иначе. Она слѣпо повѣрила въ иностранныя воспитательныя системы и, мало смущаясь ихъ чуждостью, ихъ оторванностью отъ жизни, переносила ихъ цѣликомъ на русскую почву, сохраняя даже мелочи: иностранныя игры, иностранныя дѣтскія пѣсенки и т. п. Она увлекалась французскимъ воспитаніемъ, съ изяществомъ манеръ, свѣтскостью, танцами, обязательной музыкой; она почтительно преклонилась предъ нѣмецкой педагогикой и заставляла русскихъ дѣтей пунктуально продѣлывать всѣ упражненія Фребелевской системы; она увидѣла серьезныя достоинства англійскаго воспитанія и проводила его цѣликомъ, до крайностей закаливанія, до предоставленія полной свободы ребенку.

За послѣднее время русская педагогика пришла къ выводу, что абсолютной системы воспитанія не существуетъ, что цѣликомъ провести иностранную педагогическую систему въ русской семьѣ невозможно. Начались попытки, заимствуя лучшее чужое, видоизмѣнять его и примѣнять къ условіямъ русской жизни, особенностямъ русской природы и русскаго характера. Появилось стремленіе создать *новое національное* воспитаніе. Но эта задача лишь намѣтилась, лишь стоитъ на очереди, и рѣшеніе ея, конечно, невозможно въ нѣсколько лѣтъ. Пока же

«въ нашихъ системахъ воспитанія господствуетъ полнѣйшій хаосъ мнѣній» [1]).

Если картина воспитанія и раньше была довольно пестра, благодаря слишкомъ большому разстоянію, отдѣляющему интеллигентные верхи отъ народныхъ массъ и неимѣнію общихъ педагогическихъ традицій, то теперь, въ дни коренной перестройки Россіи, конечно, «хаосъ» семейнаго воспитанія еще болѣе увеличился.

Чтобы не соединять для общихъ выводовъ, въ сущности, несоединимаго, даже діаметрально противоположнаго въ русскомъ воспитаніи, пришлось описаніе его разбить на двѣ части: семейное воспитаніе въ селахъ и семейное воспитаніе въ городахъ. Россія — страна съ исключительно многочисленнымъ *сельскимъ* населеніемъ. Въ селахъ живетъ около 87,1% всего населенія Россіи [2]).

	Сельск. насел. %	Город. насел. %
Англія . . .	23	77
Норвегія . .	28	72
Германія . .	45,6	54,4
Франція . .	59,1	40,9
Россія . . .	87,1	12,9

Сельское воспитаніе, сравнительно, однообразно, какъ однообразно низокъ и общій культурный уровень крестьянской массы. Поэтому картина крестьянскаго воспитанія легко поддается обобщеніямъ. Не то въ городахъ. Предлагая общіе выводы, рисующіе характеръ городского воспитанія, постоянно пришлось бы оговариваться, что тѣ или другія средства или пріемы, обычные въ однихъ классахъ общества, совершенно неизвѣстны, недоступны, пользуются недовѣріемъ или прямо отвергнуты въ другихъ. Поэтому явилась необходимость иногда какую-либо сторону воспитанія характеризовать отдѣльно въ

[1]) *Демковъ*. О русскомъ семейномъ воспитаніи. Вѣстн. Восп. 1891 г. №№ 3 и 4.

[2]) Отношеніе цифръ городского и сельскаго населенія въ другихъ европейскихъ государствахъ совсѣмъ иное.

низшихъ, среднихъ и высшихъ классахъ городского населенія Иначе выводы были бы односторонни, при томъ разнообразіи идеаловъ, системъ, методовъ, средствъ и пріемовъ, которое царитъ въъ городскомъ семейномъ воспитаніи въ Россіи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Физическія условія жизни крестьянъ.—Крестьяская изба.—Ея размѣры, отопленіе, вентиляція, освѣщеніе.—Постель.—Пища и напитки.—Смертность въ Россіи.—Физическое и психическое обѣднѣніе народа.

Физическое воспитаніе крестьянскихъ дѣтей, конечно, въ значительной степени зависитъ отъ общихъ условій деревенскаго быта. Условія эти, во многихъ отношеніяхъ, прямо ужасны [1]).

Крестьянская изба, обыкновенно, вся состоитъ изъ одной комнаты и сѣней. Лишь самые зажиточные крестьяне строятъ избы «пятистѣнки», имѣющія двѣ и болѣе комнатъ. При постройкѣ избы совершенно не принимается въ разсчетъ нужное для членовъ семьи количество воздуха. Большую избу дорого отапливать, духота же, спертый воздухъ, полный всевозможныхъ нечистыхъ испареній, никого не смущаетъ—лишь было бы тепло. Поэтому обыкновенно изба бываетъ несоразмѣрно тѣсна [2]). Во многихъ избахъ совсѣмъ не настилаютъ деревян-

---

[1]) При описаніи общихъ гигіеническихъ и санитарныхъ условій русской деревни источниками служили: коллективная работа подъ ред. д-ра *С. В. Мартынова*: Современное положеніе русской деревни. Сарат. 1903 г.; *А. Балова*: Санитарные недочеты нашей деревни. Рус. Мысль. 1903, кн. 1, 3, 4. *В. В. Святловскаго*: Квартирный вопросъ. Спб. 1898. *Л. Марееса*: Пища народныхъ массъ въ Россіи. Р. Мысль. 1893, кн. 10, 11. *П. Гаизена*. Опытъ оздоровленія деревни. Р. Мысль. 1900, кн. 3, 4, 5, 10.

[2]) Въ богатой и «передовой» по распространенію грамотности Ярославской губ. на одного человѣка приходится въ избахъ зажиточныхъ крестьянъ отъ 94 до 79 куб. арш. воздуха, въ среднихъ — 48—40 куб. арш., въ бѣдныхъ 30—25 куб. арш. Въ Воронеж. уѣздѣ — отъ 17 куб. арш., въ Мамадышскомъ уѣздѣ—около 13½ куб. арш. (*Баловъ*. Санитарные недочеты деревни. Р. М. 1903).—Нормальное количество воздуха въ жилищѣ на одного человѣка—70—80 куб. арш., при хорошей вентиляціи.

наго пола. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ земляной полъ встрѣчается въ большинствѣ крестьянскихъ жилищъ [1]).

По способу отопленія крестьянскія избы приходится раздѣлить на «бѣлыя» и «черныя», или «курныя». Въ черныхъ избахъ печь не имѣетъ дымовой трубы. Во время топки дымъ изъ печи валитъ прямо въ избу, а изъ нея уходитъ частію въ маленькое оконце, продѣланное въ стѣнѣ или въ потолкѣ, главнымъ же образомъ—въ дверь, которая во всякое время года и во всякую погоду, при топкѣ бываетъ отворена настежь. Благодаря тому, что черная изба значительную часть дня бываетъ наполнена дымомъ, на стѣнахъ, потолкѣ и всей обстановкѣ наростаетъ толстый лоснящійся слой сажи, который никогда не счищается. Въ бѣлыхъ избахъ дымъ проходитъ въ трубу обычнымъ способомъ.

О необходимости вентиляціи крестьяне понятія не имѣютъ. Живя въ деревнѣ, среди природы, они сплошь и рядомъ болѣютъ и гибнутъ именно отъ недостатка свѣжаго воздуха. Въ черной избѣ вентиляція происходитъ во время топки, причемъ чрезъ открытую настежь дверь зимою комната наполняется совершенно холоднымъ морознымъ воздухомъ, потомъ же, по окончаніи топки, сильно нагрѣвается отъ печи, такъ что обитатели избы ежедневно подвергаются очень сильнымъ колебаніямъ температуры. Въ бѣлыхъ избахъ никакихъ спеціальныхъ приспособленій для вентиляціи не существуетъ. Крестьянинъ даже отнесется съ недоумѣніемъ къ совѣту освѣжить воздухъ зимою, такъ какъ это значитъ «терять тепло», которымъ очень дорожатъ. Изъ-за сбереженія тепла, и оконное освѣщеніе обыкновенно весьма скудно, такъ что въ избѣ царитъ полумракъ. Сильная сырость въ избахъ и вслѣдствіе ея угаръ зимою—обычное явленіе.

Зимою въ избѣ, въ той же комнатѣ, гдѣ въ тѣснотѣ ютятся люди,—помѣщаются телята, ягнята, домашняя птица. Животнымъ постилается на полу солома, которая, однако, мѣняется

[1]) Напримѣръ, въ с. Малышевѣ, Ворон. у., въ 1903 г. земляной полъ оказался въ 54 избахъ изъ 100 осмотрѣнныхъ (*Мартыновъ*).

рѣдко, далеко не каждый день. Полъ пропитывается мочею и изверженіями, воздухъ пріобрѣтаетъ отвратительный прѣлый запахъ. Духота усиливается общей нечистоплотностью. Мытье деревянныхъ половъ (о земляныхъ и говорить нечего) принято далеко не вездѣ. Обыкновенно, «уборка» избы производится два-три раза въ годъ, предъ самыми большими праздниками. Поэтому и въ бѣлыхъ избахъ на стѣнахъ, на потолкѣ и на всей мебели образуется толстый липкій слой грязи. Впрочемъ, опрятныя хозяйки держатъ еще относительно чисто столъ и лавки. Дальше этого чистоплотность не простирается. Тутъ же въ избѣ производится стирка, готовятъ кушанье, иногда парятся, почти постоянно просушивается мокрая одежда, обувь и проч.

Мѣняютъ бѣлье, ходятъ въ баню рѣдко, разъ въ двѣ недѣли, или разъ въ мѣсяцъ, или еще рѣже, особенно въ зимнее время. Постельнаго бѣлья совсѣмъ не существуетъ. Часто не существуетъ и кроватей [1]).

Спятъ на печкѣ, на полатяхъ, на лавкахъ, на полу, постилая овчинныя шубы, дерюжки, рогожи, всякую рухлядь. Въ рѣдкихъ избахъ есть перины, и то лишь для главныхъ членовъ семьи. Спятъ въ одной комнатѣ и мужчины, и женщины, и дѣвушки, и парни, и грудныя дѣти, обыкновенно, по нѣскольку человѣкъ на одной постели. Больные, даже заразительными болѣзнями, находятся тутъ же, вмѣстѣ съ здоровыми. Только въ рѣдкихъ случаяхъ они пользуются отдѣльной постелью, но отдѣльной комнатой — никогда.

Питаніе крестьянъ до крайности скудно и однообразно, причемъ оно ухудшается съ каждымъ годомъ. Раньше, лѣтъ 30 назадъ, мясо и рыба появлялись на столѣ крестьянина если не ежедневно, то, по крайней мѣрѣ, каждый праздничный день. Крестьянинъ дѣлалъ на зиму запасы солонины и ветчины, пользовался мясомъ домашней птицы; молоко же и яйца составляли обычную пищу сельскаго населенія. Всѣ пищевые матеріалы, доставляемые хозяйствомъ, шли для собственнаго

---

[1]) Кровати оказались только въ 9 изъ 100 избъ, осмотрѣнныхъ въ с. Малышевѣ (*Мартыновъ*).

потребленія. Теперь не то: ростъ населенія, развитіе потребностей, прогрессивное увеличеніе податей и налоговъ — все это принуждаетъ крестьянина продавать пищевые продукты, — и питаніе народныхъ массъ ухудшилось до крайняго минимума. Мясо и рыба совершенно исчезли съ крестьянскаго стола и появляются лишь въ самыхъ богатыхъ семьяхъ нѣсколько дней въ году [1]). Почти то же нужно сказать о яйцахъ и молочныхъ продуктахъ. Въ центральныхъ губерніяхъ и вблизи городовъ, гдѣ за послѣднее время необычайно развился сыроваренно-маслодѣлательный промыселъ, крестьяне несутъ буквально все молоко на сыроваренные заводы, не оставляя для себя ничего. Вмѣсто молока во многихъ крестьянскихъ семьяхъ употребляютъ такъ-называемую «обрату», т.-е. сыворотку изъ-подъ сепаратора, содержащую ничтожное количество питательныхъ веществъ. Каковы питательныя свойства этой обраты, можно судить по тому, что въ хорошихъ хозяйствахъ обрата считается непригодной для выпойки телятъ. На этой-то обратѣ во множествѣ русскихъ селеній вскармливаются крестьянскія дѣти [2]).

Такимъ образомъ, главную пищу крестьянъ составляютъ растительныя вещества. Но при этомъ и мучные продукты употребляются ими далеко не въ достаточномъ количествѣ. Такъ, бѣлый, пшеничный хлѣбъ почти во всей крестьянской Россіи считается роскошью [3]). Въ достаточной мѣрѣ употре-

---

[1]) Приведу интересныя цифровыя данныя о потребленіи мяса, собранныя еще около пятнадцати лѣтъ назадъ. Въ началѣ девяностыхъ годовъ потребленіе мяса выразилось въ слѣдующихъ цифрахъ:

Въ годъ на одну душу населенія —

въ Соедин. Штатахъ	172 фун.	въ Германіи.	70 фун.
» Даніи.	141 »	крест. Воронеж. губ.	43 »
» Швеціи и Норв. .	120 »	» Можайск. у. .	30,4 »
» Франціи.	85 »	» Богородск. у. .	20 »

(*Л. Марресъ*. Пища народныхъ массъ въ Россіи. Р. М. 1893. № 10).

[2]) *А. Биловъ*. Санитарные недочеты деревни.

[3]) Здѣсь получается на первый взглядъ нѣкоторая несообразность: Россія — «житница Европы», вывозитъ ежегодно зерновые продукты за

бляется лишь наиболѣе дешевый, къ тому же крутой, «прочный» продуктъ—ржаной хлѣбъ. Онъ играетъ первую роль въ питаніи крестьянина. Затѣмъ идутъ картофель, капуста, преимущественно кислая, пшено и разныя овощи: огурцы, лукъ, рѣдька и проч. Въ общемъ, составъ пищи крестьянъ равняется строгому посту. Пища все трудно усвояемая, мало питательная, поэтому приходится употреблять ея много по вѣсу и объему. Хотя желудокъ въ извѣстной степени привыкаетъ переваривать громадныя количества растительной пищи, но все же желудочно-кишечныя болѣзни имѣютъ страшное распространеніе среди крестьянства.

Упомянемъ еще о напиткахъ. Крестьянскіе напитки: чай, кислый квасъ и водка. Общее количество употребляемой крестьянами водки не велико [1]), но способъ ея употребленія гибельно отзывается на здоровьи: крестьяне пьютъ не равномѣрно въ теченіе года, а изрѣдка, но при этомъ напиваются до потери сознанія.

Ко всему этому, отмѣтимъ почти полное отсутствіе въ деревнѣ медицинской помощи. Въ Россіи, считая и города, приходится, среднимъ числомъ, на одного врача 7.000 населенія. Одна больница—на 21.900 жителей и на 2.902 кв. верстъ пространства. Въ Европейской Россіи одна больница на 19.000 жит. и на 777 кв. верстъ пространства [2]).

границу, и вдругъ — сама не доѣдаетъ именно мучной пищи. Но дѣло въ томъ, что и вывозъ-то хлѣба теперь является лишь однимъ изъ слѣдствій вопіющей бѣдности крестьянства. Вывозится не избытокъ, а нужное самимъ. *По числу производимыхъ зерновыхъ продуктовъ* на одного человѣка населенія Россія не только не можетъ быть причислена къ странамъ *вывозящимъ*, но даже *среди ввозящихъ* европейскихъ государствъ занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ. (См. цифровыя данныя въ ст. *Лохтина*: Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи сравнительно съ другими странами. Спб. 1901 г.).

[1]) Въ селахъ потребляется водки отъ 0,11 ведра на душу до 0,75 вед. Въ городахъ же низшая норма выше полуведра, вообще же потр. вина въ городахъ отъ 0,52 вед. до 3,36 вед. на человѣка. Ежегодникъ Россіи. 1905 г. Изд. Центр. Стат. Ком. Спб. 1906.

[2]) Ежегодникъ Россіи. 1905 г. Стр. 634.

Всѣ указанныя условія народнаго быта имѣютъ своимъ слѣдствіемъ необыкновенно высокую смертность, а также физическое и психическое обезсиленіе народа. По высотѣ процента смертности Россія занимаетъ первое мѣсто между всѣми европейскими государствами. Особенно велика смертность дѣтей. Не желая обременять читателя обильнымъ цифровымъ матеріаломъ по этому сложному вопросу, приведу лишь немногія общія данныя [1].

Въ Россіи умираетъ ежегодно 35 человѣкъ на 1 тысячу жителей, тогда какъ въ сосѣднихъ съ нами Германіи—24 человѣка, Австріи—28, въ Англіи—19, Франціи—22, Швеціи—17, Даніи — 19. Смертность дѣтей ужасна. До 5-лѣтняго возраста доживаютъ у насъ всего 550 человѣкъ изъ 1.000 родившихся. Слѣдовательно, 450 изъ тысячи, почти половина всѣхъ русскихъ людей, умираетъ моложе пяти лѣтъ. Въ другихъ странахъ до пяти лѣтъ умираетъ отъ 100 до 300 дѣтей на тысячу. *На первомъ году жизни* въ Россіи умираетъ около 285 дѣтей на тысячу родившихся.

Конечно, бѣдственныя условія жизни сказываются не только на ужасающихъ цифрахъ смертности. Они необходимо ведутъ вообще къ ослабленію физическихъ и психическихъ силъ народа. Тотъ здоровый, цвѣтущій деревенскій житель, который еще недавно считался типичнымъ представителемъ великаго русскаго народа, теперь является лишь рѣдкимъ исключеніемъ въ массѣ истощеннаго, больного сельскаго населенія. Вѣчное недоѣданіе и слѣдствіе его—физическое истощеніе—необходимо ведутъ къ уменьшенію и психической энергіи. Слѣдствіемъ скуднаго питанія является общая вялость, слабость вниманія, неустойчивость воли, даже притупленіе нравственнаго чувства. Вмѣстѣ съ другими тяжелыми условіями, бѣдность и голоданіе играютъ, конечно, свою роль въ созданіи той неподвижности, «мужицкой лѣни», русской пассивности, которую считаютъ типичной чертою русскаго человѣка.

---

[1]) Данныя о смертности взяты изъ Энциклоп. Словаря Брокгауза, гдѣ приведена подробная сводка цифръ по этому вопросу. Свѣдѣнія о Россіи тамъ даются по послѣдней переписи 1897 года.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Воспитаніе крестьянскихъ дѣтей въ первые годы жизни. — Неблагопріятная наслѣдственность. — Пеленаніе. — Укачиваніе. — Дѣтская постель. — Кормленіе грудью. — Подкармливаніе. — Соска и жвачка. — Невольное закаливаніе.

Физическое обѣднѣніе родителей должно отражаться и на силахъ потомства. И мы видимъ, что дѣти крестьянъ слишкомъ часто родятся хилыми и массами погибаютъ въ первые же дни послѣ рожденія. Но причиной вопіющей смертности крестьянскихъ дѣтей является не только несчастная наслѣдственность. Общія условія крестьянскаго быта и, въ частности, нелѣпые традиціонные пріемы первоначальнаго воспитанія также убійственны. Съ самыхъ первыхъ дней своей жизни дитя подвергается пеленанію, укачиванію, нелѣпому кормленію.

Пеленаніе, или свиваніе, распространено повсемѣстно у русскихъ крестьянъ. Производится оно посредствомъ, такъ называемаго, «свивальника», представляющаго собою сшитую изъ плотной матеріи, съ подкладкою, длинную полосу, шириною въ два-три вершка. На концахъ этой полосы пришиваются тесемки, завязки. Ребенка завертываютъ въ свивальникъ такъ туго, что онъ не можетъ шевельнуть ни ногою, ни рукою, а тѣмъ болѣе — повернуться на другой бокъ и т. п. Пеленаніе и преслѣдуетъ именно эту цѣль — сдѣлать ребенка неподвижнымъ. По мнѣнію крестьянъ, спеленатый ребенокъ не вздрагиваетъ, не пугается во снѣ, не царапаетъ себя ноготками; разъ онъ не можетъ шевельнуться, значитъ, не можетъ и скатиться, упасть на полъ или, перевернувшись навзничь, задушить себя. Кромѣ того, крестьяне убѣждены, что безъ пеленанія ребенокъ выраститъ съ кривыми ногами, и потому ноги обвиваются свивальникомъ какъ можно тѣснѣе. Свиваніе доставляетъ ужасныя мученія ребенку. Особенно въ первые дни, дитя, мускулы котораго привыкли къ согнутому положенію въ утробѣ матери, вѣроятно, испытываетъ сильную боль отъ принудительнаго выпрямленнаго, вытянутаго положенія въ свиваль-

никѣ. Ребенокъ выражаетъ свои страданія крикомъ. но. чтобы успокоить его, и не думаютъ устранить причину мученій. Прибѣгаютъ, обыкновенно, къ инымъ средствамъ успокоенія: опьяняющему качанію и безпрестанному кормленію, въ буквальномъ смыслѣ, чтобы ротъ заткнуть.

Врачами единогласно (за самыми рѣдкими, курьезными исключеніями), признанъ громадный вредъ свиванія [1]). Оно не даетъ свободы для движеній, естественныхъ, необходимыхъ для ребенка. Оно препятствуетъ правильному функціонированію крови и. такимъ образомъ, задерживая обмѣнъ веществъ, мѣшаетъ правильному питанію, отъ котораго зависитъ ростъ и развитіе ребенка. Мѣстные застои крови могутъ быть, наконецъ, причинами различныхъ болѣзней, напримѣръ, грыжи или, при приливахъ крови къ головѣ, дѣтскихъ припадковъ. Послѣдніе особенно часты у крестьянскихъ дѣтей. Живя въ деревнѣ, то и дѣло слышишь, что тамъ и тамъ на ребенка «младенческое накатило» и пришлось прибѣгать къ заговорамъ или другимъ деревенскимъ способамъ лѣченія. Никому при этомъ не приходитъ въ голову искать причины болѣзни въ тѣсномъ пеленаніи. Свивальникъ считается совершенно необходимымъ аттрибутомъ первоначальнаго воспитанія.

Не менѣе тѣснаго пеленанія распространено въ Россіи укачиваніе дѣтей. Качаютъ и на рукахъ, и въ люлькахъ или зыбкахъ, подвѣшенныхъ къ потолку. Простая крестьянская люлька устраивается изъ четырехъ палокъ, связанныхъ на подобіе рамки, въ которую нетуго натягивается холстина, составляющая дно люльки. Къ угламъ рамки привязываются веревки, которыя связываются надъ люлькой и привязываются къ крюку или кольцу, вбитому въ потолокъ. Люлька раскачивается, обыкновенно, такъ широко, что съ каждымъ ея движеніемъ ребенокъ переваливается то на одинъ, то на другой бокъ. Такая качка отуманиваетъ его мозгъ, вызываетъ головокруженіе и потомъ сонъ. Къ качанію, какъ къ своего рода опьяненію, дѣти

[1]) См. сводку мнѣній по этому вопросу въ книгѣ *В. Жука*: Мать и дитя. Изд. 8. Стр. 265—269.

очень привыкаютъ, такъ что потомъ трудно бываетъ заставить ихъ засыпать безъ качки. У крестьянъ часто укачиваютъ въ люлькѣ не только грудныхъ дѣтей, но и двухъ, трехъ лѣтъ, и нерѣдко у одной матери въ тѣсной избѣ висятъ двѣ люльки.

Упомянемъ еще объ одной вредной принадлежности дѣтской постели, принадлежности, особенно дурно устраиваемой у крестьянъ и, притомъ, въ Россіи распространенной болѣе, чѣмъ гдѣ-либо [1]. Это—*пологъ*. Онъ устраивается надъ люлькою въ видѣ занавѣски и, плотно закрывая колыбель со всѣхъ четырехъ сторонъ, имѣетъ видъ надѣтаго на нее сверху чехла. У крестьянъ пологъ дѣлается не изъ тюля или марли, какъ въ интеллигентныхъ домахъ, а изъ плотной ткани: ситца, кумачу, холста. Онъ имѣетъ цѣлью сдѣлать темнѣе въ колыбели, защитить ребенка въ лѣтнее время отъ мухъ, наконецъ, закрыть отъ любопытства постороннихъ, которые, не ровенъ часъ, могутъ «сглазить» ребенка. Подъ пологомъ сильно застаивается воздухъ. Отъ дыханія и испражненій ребенка онъ наполняется угольной кислотой и амміакомъ. Онъ излишне нагрѣвается и дѣлаетъ ребенка склоннымъ къ простудѣ, вялымъ; задерживая доступъ кислорода, пологъ способствуетъ развитію малокровія, уменьшенію аппетита, лишая же свѣта, ведетъ къ англійской болѣзни, золотухѣ, цынгѣ и т. п.

Одною изъ важнѣйшихъ заботъ первоначальнаго физическаго воспитанія ребенка является забота о поддержаніи чистоты. Но какую же чистоту можно соблюдать въ избѣ, гдѣ все покрыто копотью и грязью, воздухъ наполненъ міазмами, гдѣ ребенокъ укутывается не только пеленками и одѣялами, но и всякой ветошью, которая постилается ему въ люлькѣ, составляетъ его постель на лавкѣ или на полу? Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ ребенокъ ежедневно остается съ утра до вечера на попеченіи дряхлой старухи или шести- семилѣтней дѣвченки, которая, въ сущности, сама еще требуетъ ухода.

---

[1] *Е. А. Покровскій*. Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей. Стр. 243.

Совершенно обычно, что при такой безпомощности ребенокъ цѣлые часы лежитъ въ своихъ испражненіяхъ, всегда постель его пріобрѣтаетъ отвратительный гнилой запахъ, тряпки, служащія постелью, даютъ пріютъ многочисленнымъ насѣкомымъ. Бѣлье ребенка изрѣдка моется, но можетъ ли оно оградить отъ грязи въ ужасной обстановкѣ крестьянской избы? Естественно, что кожныя заболѣванія являются наиболѣе распространенными среди многочисленныхъ болѣзней, истощающихъ крестьянскихъ дѣтей.

Всѣ матери-крестьянки сами кормятъ своихъ дѣтей грудью, всегда, даже во время серьезной болѣзни, прикованныя къ постели. Только разлука съ ребенкомъ (напр., поступленіе въ кормилицы) можетъ заставить мать отказаться отъ кормленія. Но кормятъ въ высшей степени безтолково. Грудь даютъ не тогда, когда ребенокъ нуждается въ пищѣ. Ее суютъ въ ротикъ дитяти при всякомъ его крикѣ, при всякомъ безпокойствѣ. Кричитъ ли ребенокъ отъ болѣзни, отъ неловкаго положенія, отъ усталости въ свивальникѣ, отъ сырости,—все равно, ему затыкаютъ ротъ грудью и усиленно качаютъ на рукахъ, стараясь усыпить. Крестьянка не смущается тѣмъ, что часто ей приходится кормить и укачивать ребенка десятки разъ въ одну ночь; не смущается и тѣмъ, что ребенокъ то и дѣло «срыгиваетъ» проглоченное. «Срыгиваетъ—значитъ растетъ», говорятъ крестьянки. Срыгнулъ—значитъ, опять остался голоденъ, и надо хорошенько покормить его. Но мать лишь зимою имѣетъ возможность достаточно кормить дитя грудью. Весною же, лѣтомъ и осенью она на цѣлые дни уходитъ на полевыя работы. Нѣкоторыя при этомъ берутъ и дитя въ поле, гдѣ оно лежитъ цѣлый день «у сосѣдней полосыньки», большинство же оставляетъ въ избѣ, на попеченіи какого-нибудь нерабочаго члена семьи. Часто сносятъ нѣсколько дѣтей въ одну избу, гдѣ за ними наблюдаетъ древняя старушка. При такихъ условіяхъ, конечно, приходится кормить дитя чѣмъ-нибудь, кромѣ материнскаго молока.

Подкармливаніе играетъ весьма существенную роль и ведется нелѣпо, безсмысленно, прямо безумно.

Въ первый же день, въ первые часы послѣ рожденія младенца, раньше, чѣмъ къ груди матери придетъ молоко, ему уже суютъ въ ротъ «соску». Соска — это мелко *изжеванный* и полужидкій отъ слюны кусочекъ баранки, бѣлаго или чернаго хлѣба, завернутый въ рѣденькій лоскутокъ, сквозь который ребенокъ и высасываетъ эту кашицу, состоящую наполовину изъ чужой слюны. Одна и та же грязная тряпочка служитъ соскою долгое время, дѣлается темною отъ грязи, моется очень рѣдко и, вынутая изо рта ребенка, всегда имѣетъ отвратительный кислый запахъ. Жвачку въ нее приготовляетъ мать, или бабка, или отецъ, или чужая старуха-домосѣдка,—всякій, кому придется. Такая соска остается постоянной принадлежностью ребенка до тѣхъ поръ, пока онъ научится глотать жвачку безъ всякой тряпочки. Тогда кормятъ его иначе. Изжевавъ кусочекъ хлѣба или каши, картофеля, капусты, берутъ прямо изо рта жвачку на палецъ и съ пальца кладутъ ее въ ротикъ ребенка. Кормятъ такъ лѣтъ до двухъ, до трехъ. Особенно усердно кормятъ жвачками и сосками, конечно, въ рабочую пору. Поэтому благодатные лѣтніе мѣсяцы и являются наиболѣе гибельными для сельскихъ дѣтей [1]).

Принявъ во вниманіе всѣ условія первыхъ годовъ жизни крестьянскаго ребенка, мы поймемъ, что ихъ могутъ перенести лишь сильнѣйшія дѣти, которыя и являются потомъ закаленными мало подверженными простудѣ, способными выносить самое грубое питаніе, переносить, почти не замѣчая, многія болѣзни и т. п. Сравнительно съ изнѣженными городскими дѣтьми, крестьянскіе малыши кажутся богатырями. Они выбѣгаютъ зимою на улицу босыми, не боясь жгучаго холода снѣга, сосутъ ледянки, лѣтомъ съѣдаютъ въ день по двадцати огурцовъ, купаются до дрожи, до синяковъ подъ глазами, бродятъ цѣлые дни по лужамъ, не боятся ни дождя, ни вѣтра, ни мороза.

---

[1]) Изъ всѣхъ европейскихъ странъ только въ Россіи и Испаніи *лѣто*—время наибольшей смертности. Въ другихъ государствахъ наиболѣе высока смертность либо зимою, либо весною. У насъ на іюнь приходится 8% всѣхъ умершихъ за годъ, на іюль—11%, августъ—10%, сентябрь—6%.

Правда, смертность крестьянскихъ дѣтей и старше двухлѣтняго возраста также вопіюще велика, но нельзя отрицать, что на ихъ мѣстѣ городскія дѣти гибли бы еще больше.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Воспитаніе крестьянскихъ дѣтей старше двухлѣтняго возраста.—Улица—Ея роль въ воспитаніи физическомъ и умственномъ.—Игры.—Участіе дѣтей въ хозяйственныхъ работахъ.—Судьба дѣвочки и мальчика.

Съ двухъ-трехъ лѣтъ сельскій ребенокъ большую часть своей жизни проводитъ на улицѣ. «Все лѣто, въ пыль и въ грязь, въ тепло и въ сравнительно холодное время, когда снѣгъ еще не вездѣ сошелъ, можно видѣть крестьянскихъ дѣтей — эту будущность Россіи — на улицахъ, ползающихъ съ утра до ночи въ однѣхъ рубашонкахъ и ищущихъ, гдѣ грязь поглубже... Домоїі возвращаются они только, чтобы поѣсть, и то только въ обѣдъ; въ завтракъ и въ полдни имъ даютъ кусокъ чернаго хлѣба, который и грызутъ они на той же навозной кучѣ... И тянется такъ время, пока дѣвочку не посадитъ мать за прялку, а сына отецъ не пошлетъ съ лошадьми въ табунъ» [1]).

Вліяніе улицы на физическое развитіе дѣтей не нужно оцѣнивать односторонне. Правда, вѣчная грязь, струпья на головѣ, «цыпки» на рукахъ и ногахъ, обмороженныя уши, всевозможныя кожныя заболѣванія отъ нечистоты, постоянная возможность простуды и заразы, постоянная опасность несчастнаго случая: на дворѣ, около скотины, у рѣки, у колодцевъ и т. д.,— все это далеко отъ нормальныхъ и желательныхъ условій воспитанія. Но, съ другой стороны, «крестьянскія дѣти, живущія, повидимому, вопреки всѣмъ требованіямъ гигіены, только тѣмъ и живы, только тѣмъ и поддерживаютъ свое завидное предъ городскими дѣтьми здоровье, что цѣлые дни проводятъ на свѣжемъ воздухѣ» [2]). Д-ръ Ляйманъ, говоря о жизни крестьян-

[1]) *А. Новиковъ.* Записки о сельской школѣ. Спб. 1902. Стр. 53.

[2]) *Д-ръ Е. Покровскій.* Дѣтскія игры, преимущественно русскія.

скихъ дѣтей въ ровенскомъ уѣздѣ волынской губ., свидѣтельствуетъ, что «дѣти крестьянъ, играющія цѣлый почти день на свободѣ, свѣжемъ воздухѣ и солнцѣ, крѣпнуть и развиваются въ дюжихъ мальчиковъ и сильныхъ парней; между тѣмъ, какъ въ томъ же уѣздѣ еврейскія дѣти, почти съ четырехлѣтняго возраста проводящія дни въ тѣсныхъ и лишенныхъ свѣжаго воздуха избахъ своихъ бельферовъ (учителей) за изученіемъ талмуда, малы и хилы» [1]).

Еще благотворнѣе вліяніе уличной свободы, полной приключеній, наблюденій, борьбы—на умственное развитіе крестьянскихъ дѣтей. Сельскій ребенокъ живетъ съ природой. Онъ не отдѣленъ отъ нея каменными стѣнами. Онъ знакомится съ нею не изъ книжекъ, а непосредственными наблюденіями. Какое громадное преимущество предъ ребенкомъ городскимъ, часто незнающимъ самыхъ обычныхъ, самыхъ крупныхъ и прекрасныхъ явленій природы: восхода солнца, разлива рѣки, весенняго прилета птицъ и т. п. Дома и на дворѣ, въ полѣ, на улицѣ, въ лѣсу—сельскій малышъ получаетъ массу знаній. Но онъ не только наблюдаетъ природу, онъ постоянно приходитъ въ соотношеніе съ нею. У него развивается практическая жилка, та ловкая «смекалка», которую еще въ сказкахъ выставляютъ характерною чертою русскаго мужичка.

Благотворное вліяніе улицы увеличивается уличными общественными играми, которыя составляютъ обычное времяпровожденіе крестьянскихъ дѣтей. Въ этихъ играхъ еще сохранился богатырскій духъ русскаго народа. Въ нихъ проглядываетъ исконная любовь русскаго человѣка къ веселью, къ удальству, молодечеству. Раньше, десятки лѣтъ назадъ, въ праздничные дни молодежь играла «всѣмъ селомъ», съ участіемъ и дѣтей и взрослыхъ. Теперь взрослые рѣдко принимаютъ участіе въ играхъ. Церковь, видѣвшая въ нихъ остатки бѣсовскихъ языческихъ игрищъ, администрація, считавшая ихъ причинами нарушеній тишины и порядка, общая бѣдность и безправіе, усилившія черты забитости, унынія въ русскомъ ха-

[1]) Цитирую по той же книгѣ Покровскаго.

рактерѣ, наконецъ, внѣшняя «цивилизація», вносящая въ село понятія условныхъ приличій — все это, соединясь, уничтожило шумныя, иногда, правда, грубыя, но часто живыя, красивыя игры взрослыхъ въ русскихъ селеніяхъ. Хороводы, напримѣръ, выводятся совсѣмъ. Ряженье и гаданье также стали рѣдки. Но большинство простыхъ и наиболѣе живыхъ игръ сохранилось у дѣтей, являясь какъ бы анахронизмомъ на общемъ молчаливомъ, печальномъ фонѣ русской деревни.

Наиболѣе распространенныя игры — лошадки, горѣлки, чехарда, палочка-выручалочка, шары, бабки, игры въ разбойники, въ солдаты, въ цари (съ прыганьемъ, безъ загадокъ), во всевозможныя ловички. Почти всѣ эти игры даютъ матеріалъ для бѣготни, для разнообразныхъ движеній, для развитія сообразительности и фантазіи. И внѣ игръ времяпровожденіе крестьянскихъ дѣтей такъ же требуетъ силы, ловкости, удальства. Обычныя занятія — лазанье по плетнямъ, заборамъ, деревьямъ, состязаніе въ бросаніи камней, въ хожденіи колесомъ, охота на лягушекъ, на полевыхъ мышей, широкое купанье, съ кувырканьемъ, хожденьемъ на рукахъ, ныряньемъ и т. п.

Игрушки не занимаютъ виднаго мѣста въ воспитаніи крестьянскихъ дѣтей. Для грудныхъ младенцевъ покупаютъ еще погремушки, свистульки, но дѣтей болѣе взрослыхъ развѣ изрѣдка побалуютъ—мальчика лошадкой, дѣвочку—дешевенькой куклой. Многія несложныя игрушки дѣти дѣлаютъ себѣ сами: кнутъ, городки, шары, всякія палки, лопатки, ледянки; устраиваютъ иногда и болѣе сложныя игрушки — клѣтки, западни, мельницы, сохи, бороны и другія орудія, которыя иногда дѣлаются крестьянскими дѣтьми съ удивительнымъ мастерствомъ.

Однако, не долго суждено крестьянскому ребенку играть беззаботно. Лѣтъ съ 8, иногда и раньше, на него уже ложатся труды и заботы хозяйства. Онъ дѣлается помощникомъ большихъ въ уходѣ за скотиной, во всѣхъ работахъ на полѣ, въ ригѣ, на огородѣ. При этомъ, мальчику поручаются хозяйственныя работы преимущественно внѣ дома, дѣвочкѣ — въ домѣ. Въ этомъ отношеніи мальчикъ счастливѣе дѣвочки. Его работа

не отрываетъ его отъ природы, она полна движенія, полна поэзіи, даетъ возможность проявить силу, ловкость, даже удаль, напр., во время сѣнокоса, при купаньи лошадей и т. п. Но въ то же время она кладетъ отпечатокъ преждевременной серьезности, заботливости, создаетъ изъ дитяти «маленькаго мужичка».

Гораздо печальнѣе судьба дѣвочки. Ее рано усаживаютъ дома прясть, ткать, вязать чулки, исполнять кухонныя работы, ухаживать на дворѣ за скотиной, часто ходить за маленькими братьями и сестрами. Дѣвочка-нянька—обычный типъ деревни. Это немощное, слабосильное, обремененное заботой существо, съ вѣчнымъ выраженіемъ безпокойства на блѣдномъ личикѣ. Ничего нѣтъ печальнѣе судьбы «старшей сестры» въ деревенской семьѣ. Непосильная сидячая работа пріостанавливаетъ ростъ и развитіе крестьянской дѣвочки еще въ дошкольномъ возрастѣ. Сельская дѣвочка, въ общемъ, слабѣе и мельче не только сельскаго мальчика, но и городской дѣвочки, своей сверстницы. Изслѣдованія д-ра Д. Никольскаго [1]) показали, что въ сельскихъ школахъ ясно замѣтна разница въ физическомъ развитіи мальчиковъ и дѣвочекъ. Такъ, окружность груди у мальчиковъ во всѣхъ возрастахъ больше половины роста, у дѣвочекъ—меньше половины роста. Изслѣдованія Смородинцева и Русскихъ, произведенныя во всѣхъ школахъ пермской губерніи, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, показали, что средній ростъ мальчиковъ городскихъ и сельскихъ приблизительно одинаковъ, развитіе груди у мальчиковъ сельскихъ даже лучше, чѣмъ у городскихъ. Дѣвочки-же крестьянскія меньше своихъ городскихъ ровесницъ [2]).

---

[1]) *Д. Никольскій.* О физич. развитіи учащихся въ народныхъ школахъ заводскихъ, сельскихъ и башкирскихъ. Санитарн. Дѣло 1891 г. №№ 44, 47 и 48.

[2]) *Ростъ мальчиковъ* 7 лѣтъ: городскихъ 116,72 сантим., сельскихъ — 116,0 см.; 8 лѣтъ городскихъ — 120,16 см., сельск. — 120,45; 9 лѣтъ городскихъ—124, сельск.—124,6. *Объемъ груди* у мальчиковъ 7-лѣтъ городскихъ — 57,7, сельск.—60,6; 8 лѣтъ город.—60,44, сельскихъ - 62,44.

Ростъ дѣвочекъ 7 лѣтъ город.—116,16 см., сельск.—114,87; 8 лѣтъ гор. 120,12, сельск.—120,03 см.—Цифры взяты изъ таблицъ, приложенныхъ къ

Уличная свобода и раннее участіе въ хозяйственныхъ работахъ даютъ сельскому ребенку много знаній природы и сельскаго быта. Но все же кругъ его наблюденій узокъ. Дальше друхъ-трехъ деревень, поля, ближайшаго лѣса онъ, обыкновенно, не простирается. Дальнѣйшія представленія о мірѣ крайне смутны, очень часто нелѣпы, такъ какъ составляются по разсказамъ «бывалыхъ людей»: отставныхъ солдатъ, богомольцевъ и т. п. Въ значительной же степени знанія замѣняются вѣрованіями, часто суевѣріями, грубыми, нелѣпыми. Народная мысль еще ищетъ отвѣтовъ на всѣ вопросы въ традиціонной религіи. Но значеніе народныхъ вѣрованій велико не только въ умственномъ развитіи, оно еще больше въ воспитаніи воли и нравственности. Объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Нравственное воспитаніе крестьянскихъ дѣтей. Цѣльность крестьянскаго воспитанія.—Народная религіозность.—Ея вліяніе на развитіе воли и нравственности.—Другіе факторы нравственнаго воспитанія.—Тѣлесныя наказанія.—Характерныя черты русскаго народа—безволіе и сердечность.—Что воспитываетъ сердечность?

«Угодно вамъ видѣть, — писалъ нѣкогда Н. А. Вышеградскій [1],—наглядный примѣръ того, какъ при полномъ согласіи всѣхъ вліяній, дѣйствующихъ на дѣтей, у нихъ образуются твердыя, неистребимыя вѣрованія, стройный образъ мыслей, надежныя неизмѣнныя правила жизни? Загляните въ избу русскаго крестьянина. Тамъ мальчикъ выростаетъ среди вліяній совершенно согласныхъ, тамъ ни изъ чьихъ устъ не послышится слово, противорѣчащее общему образу мыслей. Отецъ говоритъ сыну, что надо ходить въ церковь, свято хранить посты, чтить всѣ установленія церкви; но онъ самъ первый

диссертаціи *А. Г. Трахтенберга*: Санитарное состояніе школъ въ Россіи. Спб. 1903 г.

[1]) Рус. Педагогич. Вѣстникъ. 1857. Цитирую по статьѣ *Демкова* В. Восп. 1891, № 3.

свято исполняетъ всѣ обязанности. церковью на него налагаемыя... И онъ самъ, и все остальное населеніе деревни дѣйствуютъ такъ согласно въ этомъ отношеніи, такъ глубоко проникнуты убѣжденіемъ въ необходимости подобнаго поведенія, въ нравственной невозможности вести себя иначе, что мальчикъ, отовсюду объятый этимъ потокомъ общаго глубокаго убѣжденія, и самъ непримѣтно, нечувствительно проникается тѣмъ же образомъ мыслей, сживается съ нимъ, такъ что впослѣдствіи вліянія самыя зловредныя съ трудомъ искореняютъ добрые навыки, привившіеся въ душѣ съ дѣтства».

Этотъ отрывокъ весьма вѣрно характеризуетъ «цѣльность» крестьянскаго міровоззрѣнія, которое лишь за послѣдніе годы начинаетъ нарушаться, но, конечно, продержится въ массѣ еще долгое время. Вѣковыя духовныя наслоенія не сметаются въ нѣсколько лѣтъ. особенно при бѣдности противорѣчащихъ вліяній. при разобщенности деревни отъ центровъ болѣе культурной и энергичной жизни.

Основу этой цѣльности составляетъ строгая религіозность и слѣпое, рабское подчиненіе авторитетамъ. Съ первыхъ же лѣтъ сознательной жизни ребенокъ захватывается этимъ потокомъ всеобщаго подчиненія. Многочисленные церковные обряды, посты, молебны въ избахъ, молебны на поляхъ, крестные ходы, молитвы утромъ и вечеромъ, предъ обѣдомъ и послѣ обѣда — все это гипнотизируетъ, создаетъ атмосферу зависимости, не-свободы. Но, главное, не столько подчиняютъ обряды, сколько самый духъ народной религіозности—духъ покорности, презрѣнія къ жизненнымъ радостямъ, сознанія ничтожества своихъ силъ. Воспользуюсь опять цитатой одного наблюдательнаго бытописателя: «Если бы нужно было въ нѣсколькихъ словахъ опредѣлить міровоззрѣніе народа, то лучше всего выразиться такъ: *все на небѣ*. Въ этихъ словахъ заключены всѣ народные идеалы, все святое, выношенное имъ въ девять вѣковъ со дня его просвѣщенія (христіанствомъ) и бережно имъ хранимое до сего дня. Счастіе не здѣсь, а *тамъ*, въ будущей жизни, цѣль нашего существованія опять-таки не здѣсь, а за гробомъ, стало-быть, и интересы всѣ тамъ, и стре-

мленія наши только туда, и смыслъ всей земной жизни — достиженіе жизни вѣчной, будущей» [1]).

Такимъ образомъ, народная религіозность имѣетъ тенденцію обезцѣнить жизненныя блага, создать презрѣніе къ дѣйствительности, презрѣніе къ ея радостямъ. Чѣмъ хуже здѣсь, тѣмъ лучше *тамъ*, тѣмъ выше награда. Послѣдніе будутъ первыми и первые — послѣдними. Поэтому, стоитъ ли бороться изъ-за улучшенія этой жизни? Не слѣдуетъ ли, напротивъ, съ особеннымъ удовлетвореніемъ принимать всѣ выпадающія на долю униженія, страданія, лишенія? «Въ православномъ русскомъ храмѣ такія съ всемірной точки зрѣнія слабости, какъ дряхлость, немощь и убожество, какъ нищета и соціальное ничтожество, оцѣниваются какъ положительная добродѣтель, какъ заслуга передъ Богомъ, какъ небесное на человѣкѣ сіяніе» [2]). Презрѣніе къ жизненнымъ благамъ, взглядъ на нихъ, какъ на что-то грѣховное, ведущее къ гибели,—порождаетъ пассивность, безволіе, бездѣятельность. Но тѣ же черты воспитываетъ и другая сторона народной религіозности — вѣра въ постоянное вмѣшательство въ нашу жизнь высшихъ невѣдомыхъ силъ, предъ могуществомъ которыхъ ничтожны всѣ наши усилія.

Чтобы дѣйствовать, чтобы бороться съ жизненными невзгодами, нужно имѣть увѣренность въ томъ, что самъ являешься кузнецомъ своего счастья, что можешь своими силами хоть до нѣкоторой степени измѣнить дѣйствительность.

Но «крестьянинъ на всѣ несчастія, бѣдствія, неудачи въ своей жизни исключительно смотритъ какъ на Божіе наказаніе»—и этотъ взглядъ постоянно отражается даже въ его обыденной дѣятельности. «Въ виду указанныхъ религіозно-нравственныхъ взглядовъ трудно вести въ деревнѣ борьбу съ такими бѣдствіями, какъ пожары, эпидеміи, эпизоотіи и вредители сельскохозяйственныхъ культуръ. Крестьянинъ убѣжденъ,

---

[1]) Свящ. *І. Фудель*. Интеллигенція и народъ въ современномъ ихъ сближеніи. Рус. Обозр. 1897 г., кн. 3. Курсивъ автора.

[2]) *В. Розановъ*. Русская церковь. Полярн. Звѣзда, 1906, № 8.

что съ этими бѣдами бороться грѣшно»... [1]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ крестьянинъ охотнѣе обращается къ священнику для совершенія молебна, крестнаго хода или иного обряда—«и считаетъ, что если обрядъ выполненъ, то онъ долженъ пассивно ожидать результатовъ молитвы» [2]). Это постоянное сознаніе зависимости отъ хотѣній Бога дополняется довольно распространенной еще вѣрой въ заговоры, порчи, сглазъ и главное — въ черта. Чертъ въ народномъ міровоззрѣніи играетъ очень видную роль. Именно онъ постоянно соблазняетъ къ неисполненію церковныхъ обрядовъ, молитвъ и постовъ, къ непочтенію старшихъ, къ пренебреженію дѣдовскими обычаями; именно онъ порождаетъ гордость, непослушаніе, излишнюю пытливость—всѣ тѣ качества, которыя противорѣчатъ морали пассивности, покорности, самоуниженія. Понятно, какое разслабляющее вліяніе на волю ребенка имѣетъ эта постоянная боязнь призраковъ, все опредѣляющихъ, всѣмъ управляющихъ.

Итакъ, воспитательное вліяніе народной религіозности *на волю*—безусловно отрицательное. Обезцѣнивая жизненныя блага, какъ ведущія къ соблазнамъ и погибели, религіозныя вѣрованія порождаютъ безучастность къ окружающему, пассивность, инертность. Съ другой стороны, обезцѣнивая и самыя силы человѣка вѣрованіемъ въ постоянное вмѣшательство въ жизнь могущественныхъ высшихъ силъ, религіозность опять-таки подавляетъ волю, создаетъ безнадежную готовность подчиняться всесильной судьбѣ, жить не такъ, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ.

Самый протестъ, критика существующаго, осужденіе, «мудрствованіе» считаются грѣховными, внушеніями черта, ведущими къ погибели. *И для умственнаго развитія* подобныя вѣрованія создаютъ крупныя препятствія. Они задерживаютъ пробужденіе трезваго, сознательнаго отношенія къ природѣ и жизни, такъ какъ воспитываютъ склонность не искать причинъ извѣстнаго явленія, считать ихъ лежащими внѣ дѣйствительности,

[1]) *Петерсонъ*. Сводъ трудовъ Мѣстныхъ Комитетовъ по 49 губерніямъ Европ. Россіи. Спб. 1904. Стр. 10 и слѣд.

[2]) Тамъ же.

за гранью ея: на все воля Божья, а намъ, грѣшнымъ, и допытываться грѣшно.

Не менѣе характерно вліяніе народной религіозности и на нравственное воспитаніе. Было бы одностороннимъ признать, что вліяніе ея и здѣсь только отрицательное. Христіанство даетъ высокіе образцы нравственности, которые не могутъ остаться безъ вліянія на впечатлительную душу ребенка. Не можетъ не влiять и самое ученіе о любви къ ближнимъ, о милосердіи, всепрощеніи,—хотя оно рѣдко понимается въ его чистомъ *безкорыстномъ* видѣ: обыкновенно, въ церковной проповѣди очень видную роль играетъ обѣщаніе *награды* за добро и *наказанія* на зло, и это вноситъ, въ сущности, эгоистическій разсчетъ въ нравственные поступки. Но, повторяю, все же христіанское ученіе не можетъ не имѣть благотворнаго значенія въ нравственномъ воспитаніи, хотя вотъ что̀ характерно: изъ высокой христіанской нравственности народъ наиболѣе усвоилъ то, что соотвѣтствовало общему тону окружающей его дѣйствительности. Могъ ли онъ взять руководящимъ принципомъ жизни, напримѣръ, принципъ равенства, когда вся окружающая жизнь построена на вопіющемъ неравенствѣ? Могъ ли онъ живо и ярко сохранить понятіе о высотѣ и цѣнности человѣческой личности, когда видѣлъ на каждомъ шагу ея униженіе, безправіе, безгласное подчиненіе? Сохранившій отъ тысячелѣтняго рабства въ душѣ рабскія наклонности, невѣжественный, бѣдный, безпомощный, зависимый отъ многочисленнаго начальства, чѣмъ болѣе мелкаго, тѣмъ болѣе самовластнаго,—крестьянинъ и изъ христіанства усвоилъ твердо лишь требованія повиновенія, терпѣнія «до конца», неосужденія «ближняго», подставленія лѣвой щеки тому, кто бьетъ въ правую. Съ первыхъ же дней своей сознательной жизни ребенокъ на каждомъ шагу слышитъ уроки этой морали и воспитывается вѣрнымъ, покорнымъ ея носителемъ.

Но не одни религіозные взгляды взрослыхъ дѣйствуютъ на ребенка въ направленіи обезличенія, обезволенія. Такъ же вліяетъ и вся окружающая обстановка, созданная невѣжествомъ, бѣдностью, безправіемъ. Я не буду подробно останавливаться

на характеристикѣ вліянія на волю и нравственность этой грустной обстановки современнаго села. Общій тонъ ея, надѣюсь, ясенъ изъ предыдущихъ главъ. Но нельзя пройти молчаніемъ одной возмутительной стороны русской жизни, особенно близкой именно семьѣ и особенно тяжело отзывающейся на дѣтяхъ. Я говорю—о тѣлесныхъ наказаніяхъ. «Крестьянскаго мальчика бьетъ отецъ, бьетъ мать, бьетъ братъ, бьетъ сосѣдъ за всякую мелочь, а то и ни за что, ни про что». [1]) Представленіе о битьѣ, какъ о чемъ-то совершенно обычномъ, даже необходимомъ при воспитаніи дѣтей, глубоко вкоренилось въ народныя понятія. Лишь весьма немногіе крестьяне, являющіеся рѣдкимъ исключеніемъ—либо долго жившіе въ городѣ, либо получившіе такъ или иначе нѣкоторое свѣтское образованіе—являются противниками кулачныхъ расправъ съ дѣтьми. Въ общемъ же битье и даже прямо истязаніе дѣтей такъ часто, что о немъ даже мало говорятъ, считая его обыденнымъ явленіемъ. По моимъ личнымъ наблюденіямъ, въ качествѣ сельскаго учителя, крестьяне, даже въ центрѣ Россіи, считаютъ воспитаніе безъ побоевъ прямо вреднымъ и опаснымъ. «Не бить его — такъ онъ совсѣмъ изъ послушанія выйдетъ, непочетникомъ выростетъ». Помню не одинъ, а десятки случаевъ, когда крестьяне приходили и просили въ школѣ «выдрать» ихъ дѣтище. Въ крестьянской массѣ учитель, который не бьетъ, пользуется именно поэтому меньшимъ довѣріемъ и уваженіемъ, чѣмъ тотъ, который «держитъ строго: какъ чуть — на колѣни, за вихры, по затылку». Въ одной школѣ (Рязан. губ.) я произвелъ поголовный опросъ учениковъ, желая узнать, много ли семействъ, гдѣ не въ ходу тѣлесныя наказанія. Изъ 80—85 человѣкъ не нашлось ни одного, не битаго родителями (или тѣми, кто замѣнялъ родителей для сиротъ). И это въ сравнительно «культурномъ» селѣ, близкомъ къ губернскому городу.

Итакъ, страхъ родительскихъ побоевъ, страхъ сельскаго начальства (извѣстно, что сотскими и становыми пугаютъ дѣтей), страхъ лѣшихъ, домовыхъ и всякой чертовщины, страхъ бо-

---

[1]) *А. Новиковъ.* Записки о сельской школѣ.

жескаго наказанія, голодъ, вопіющая бѣдность, невѣжество, безпомощность—вотъ та атмосфера, которая обезличиваетъ сельскаго ребенка. Кажется, трудно и представить болѣе неблагопріятныя условія для воспитанія воли и нравственности.

И дѣйствительно, безволіе стало національною чертою русскаго народа. Но одновременно съ нимъ въ народѣ живутъ черты высокой нравственности: сердечная отзывчивость, безкорыстная участливость, самоотверженная готовность оказать помощь, облегчить чужое горе. Что же воспитываетъ эти свѣтлыя стороны, также справедливо считающіяся типичными чертами русскаго народнаго характера?

Религіозныя понятія о любви къ ближнимъ, конечно, играютъ нѣкоторую роль въ сохраненіи и развитіи этихъ чертъ характера. Но нельзя приписывать религіи слишкомъ большую роль въ воспитаніи настоящей, *безкорыстной* нравственности. Церковныя правила о добродѣтели, за которую обѣщается награда на небесахъ, за отсутствіе-же которой грозятъ муки ада, безсильны создать искреннюю нравственность, выражающуюся не только въ нравственныхъ поступкахъ, но и въ нравственныхъ *чувствахъ*. Они способны заставить купца отдать бѣдняку рубль «для спасенія души», пожертвовать колоколъ, икону или ризу, въ надеждѣ, что это «зачтется тамъ». Но откуда же способность *состраданія*, которою такъ богато одаренъ русскій крестьянинъ? Эту способность состраданія, эту чуткую участливость воспитываетъ въ русскомъ сельскомъ ребенкѣ сама безотрадная окружающая жизнь, тяжелыя стороны которой онъ узнаетъ рано. Чтобы отозваться на чужое горе, нужно понять его. Чтобы научиться понимать, нужно испытать или близко видѣть—и жизнь сельскаго ребенка даетъ для этого даже слишкомъ много матеріала. Въ то время, какъ въ городахъ отъ ребенка часто прячется горе взрослыхъ, горе каждой семьи, въ свою очередь, скрывается отъ посторонняго глаза, въ крестьянскомъ быту радость и печаль одной семьи рѣдко является тайной для другихъ. Всѣ знаютъ другъ друга, всѣ знаютъ *все* о своихъ односельчанахъ. Сосѣди и сосѣдки дѣлятся своимъ горемъ, своими опасеніями и надеждами такъ, словно всѣ род-

ные. Слезы сиротства. супружескiе нелады, горе бѣдности—все выносится наружу, все дѣлается достоянiемъ улицы. И какъ улица воспитываетъ наблюдательность, «смекалку», такъ она же развиваетъ отзывчивость къ горю, умѣнье видѣть и понимать его, умѣнье сострадать и желанье облегчить горе — безъ разсчета на награду.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Роль книги въ сельскомъ воспитанiи.—Процентъ грамотности —Школа. —Духовныя книги.--Лубочная литература; «житiя», беллетристика, оракулы и сонники.—Борьба съ лубочной литературой.—Дѣтскiе журналы для крестьянскихъ дѣтей.—Библiотеки.—Читатели изъ народа.—Разладъ въ крестьянской семьѣ.

Выше уже говорилось о томъ, какое огромное значенiе для умственнаго развитiя крестьянскихъ дѣтей имѣетъ уличная свобода и затѣмъ раннее участiе въ хозяйственныхъ работахъ. Разсмотримъ теперь влiянiе другихъ факторовъ умственнаго воспитанiя.

Громадное большинство крестьянскихъ дѣтей осуждено на безграмотность. По послѣднимъ даннымъ, въ Россiи обладаютъ знанiемъ грамоты лишь 21% населенiя. Если при разсчетѣ исключить дѣтей моложе девятилѣтняго возраста, то грамотныхъ окажется около 28% [1]. Итакъ, изъ 100 человѣкъ 72 неграмотныхъ. Понятно, что безграмотный все свое воспитанiе, всѣ свои взгляды получаетъ только отъ окружающей среды. У него не имѣется болѣе широкаго критерiя для оцѣнки и провѣрки господствующихъ вокругъ понятiй, и потому безграмотная масса является вѣрнымъ носителемъ вѣковыхъ рабскихъ традицiй русскаго народа.

Нельзя сказать, чтобы и современная сельская школа измѣняла многое въ мiровоззрѣнiи сельскихъ жителей. О церковно-приходской школѣ и, такъ называемыхъ, «школахъ гра-

---

[1]) Ежегодникъ Россiи. 1905 г. Изд. Центр. Стат. Ком. Спб. 1906.

моты», находящихся, обыкновенно, въ вѣдѣніи духовенства, прямо можно сказать, что онѣ не вносятъ новыхъ живыхъ струй въ затхлую атмосферу народной жизни. Онѣ и учреждены съ цѣлью «распространять образованіе въ духѣ православной вѣры и церкви». Изъ предметовъ обученія въ нихъ—законъ Божій, славянское чтеніе, церковное пѣніе, русское чтеніе, счетъ, чистописаніе—единственный, при которомъ возможно было бы сообщеніе нѣкоторыхъ знаній, необходимыхъ для выработки здравыхъ взглядовъ, это русское чтеніе. Но чтеніе ведется по книжкамъ, состоящимъ изъ статей церковнаго и «патріотическаго» направленія, и кромѣ того, предписано при обученіи чтенію «не задаваться побочными цѣлями, напримѣръ, сообщеніемъ учащимся разнообразныхъ свѣдѣній изъ окружающаго міра (міровѣдѣніе)» [1]).

Школы министерскія и особенно земскія хотя и стремятся осмыслить и расширить міровоззрѣніе учениковъ, но не всегда могутъ дать болѣе первоначальной грамотности и самыхъ простыхъ, самыхъ элементарныхъ свѣдѣній по нѣкоторымъ отраслямъ знанія. Пространныя и мелочныя обязательныя программы министерства, ревизіи и экзамены, производимые придирчивыми чиновниками, а главное—полное недовѣріе къ учащимъ и ихъ полнѣйшая зависимость отъ этихъ чиновниковъ,—все это принуждаетъ отдавать почти все школьное время формальной внѣшней выучкѣ наименѣе цѣнныхъ для общаго развитія частей программы. Учителю некогда и опасно давать въ школѣ знанія, нужныя для разумнаго, осмысленнаго отношенія къ окружающему. Школа мало дѣлаетъ и для развитія въ своихъ питомцахъ предпріимчивости, самодѣятельности, сознанія человѣческаго достоинства. Обязательная, сложная, непосильная дѣтямъ программа (между прочимъ, тонкости орѳографіи, сложныя ариѳметическія задачи, славянскій языкъ) заставляютъ прибѣгать къ насиліямъ надъ дѣтьми, постоянно принуждая заниматься тѣмъ, къ чему дѣти *не могутъ* чувствовать интереса. Поэтому,

[1]) Объяснительная Записка къ программѣ преподаванія русск. языка въ церк.-прих. школахъ.

обыкновенно, учителямъ приходится устанавливать строгую мелочную дисциплину, прибѣгать къ угрозамъ, наказаніямъ и т. п. Все это не способствуетъ развитію предпріимчивости и самодѣятельности.

Самое большее, что, далеко не всегда, удается сдѣлать сельской школѣ—это привить интересъ къ книгѣ. Въ крестьянской семьѣ книги не раздѣляются на книги дѣтскія и книги для взрослыхъ. И взятый въ школѣ дѣтскій разсказикъ, и купленный въ городѣ «Письмовникъ для любящихъ сердецъ» одинаково читаются деревенскимъ грамотеемъ для всей семьи. Поэтому приходится говорить здѣсь не о дѣтскихъ книгахъ, а вообще о книгахъ, наиболѣе распространенныхъ въ народѣ.

Къ таковымъ прежде всего надо причислить духовныя книги: псалтирь, евангеліе, часословъ, житія святыхъ; затѣмъ лубочныя изданія, и, наконецъ,—книги изъ школьныхъ и народныхъ библіотекъ.

О духовныхъ книгахъ и ихъ воспитательномъ вліяніи здѣсь говорить не будемъ. Мы уже отмѣчали, что изъ нихъ усвоиваются, главнымъ образомъ, тѣ моральные уроки, которые соотвѣтствуютъ угнетенному соціальному положенію народа.—Лубочная литература педагогами почти единогласно признана не только безполезной, но даже вредной и въ образовательномъ, и въ воспитательномъ отношеніи. «Нелѣпыя и грязныя по своему содержанію произведенія ея не столько способствуютъ просвѣщенію, сколько подрываютъ основы послѣдняго, являются однимъ изъ средствъ для проведенія отрицательныхъ воздѣйствій на психику народа. Чтеніе ихъ можетъ только омрачать умъ, осквернять душу и убивать свѣтлыя нравственныя стремленія» [1])

Нѣкоторыя просвѣтительныя общества, земства, немногія частныя лица давно уже начали борьбу съ этой нелѣпой литературой. Начало попытокъ ввести въ народъ лучшую книгу нужно отнести еще къ 1833 году, когда В. Ѳ. Одоевскій издалъ свои

---

[1]) *А. А. Стаховичъ.* Лубочная литература и борьба съ нею. Русск. Мысль 1904 г. № 4.

«Пестрыя сказки». Черезъ десять лѣтъ въ ряду народныхъ писателей мы уже видимъ А. Ѳ. Погоскаго, Даля, Шевченко, Золотова. Въ 60-хъ годахъ возникаютъ уже цѣлыя общества для борьбы съ лубочной литературой изданіемъ и распространеніемъ въ народѣ произведеній, болѣе удовлетворяющихъ просвѣтительнымъ задачамъ. [1]) Всѣ эти усилія, конечно, не остались безъ результатовъ. Хорошая народная книжка нашла читателей, но преимущественно въ городахъ и фабричныхъ селахъ, гдѣ умственные запросы рабочихъ значительно выше, чѣмъ запросы крестьянъ земледѣльцевъ. Въ деревнѣ же до сихъ поръ спросъ на чтеніе удовлетворяется, главнымъ образомъ, лубочной книгой. [2]) Хорошая народная книга не только рѣдко покупается, но даже, попавъ въ избу крестьянина, благодаря ли школѣ, помѣщику благотворителю или какимъ-либо инымъ способомъ, не находитъ въ народѣ внимательныхъ и довѣрчивыхъ читателей [3]).

Малое распространеніе хорошей народной книги, обыкновенно, объясняется ея сравнительной дороговизной и чисто внѣшними трудностями ея распространенія. На самомъ же дѣлѣ главная причина неуспѣха интеллигентныхъ изданій въ народѣ не внѣшняя, а внутренняя. Лубочная книга совершенно соотвѣтствуетъ міровоззрѣнію народа и удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, которыя онъ предъявляетъ къ своей книгѣ. Интеллигентныя же изданія стремятся внести нѣчто новое, свое, спорное и непривычное для народнаго міровоззрѣнія. Лубочную литературу создалъ самъ народъ. Издатели ея, обыкновенно, не

[1]) См. брошюру *Е. Некрасовой:* Народныя книги для чтенія въ ихъ 25—лѣтней борьбѣ съ лубочными изданіями. Вятка. 1902, а также «Сѣверн. Вѣстн». 1899 г. №№ 5, 6, 7.

[2]) По приблизительному подсчету А. С. Пругавина, народъ ежегодно затрачиваетъ на лубочныя книги и картины отъ 800.000 до 1.000.000 руб. (*Пругвинъ*, Запросы народа и обязанности интеллигенціи. Спб. 1895. Стр. 194). Этотъ подсчетъ производился болѣе десяти лѣтъ назадъ, за это же время число читателей возрасло, и спросъ на лубочную литературу росъ безпрерывно, какъ можно видѣть изъ цифръ, приведенныхъ въ ст. *Н. А. Рубакина*, Книжный потокъ. Р. М. 1903.

[3]) *С. В. Мартыновъ*. Современное положеніе русской деревни. Стр. 56 и 60.

преслѣдовали никакихъ просвѣтительныхъ цѣлей. Задача ихъ была лишь въ томъ, чтобы какъ можно больше сбыть, какъ можно больше нажить. Поэтому они старались совершенно удовлетворять вкусамъ и требованіямъ народа. «Всѣ настоящіе лубочники-издатели въ то же время настоящіе мужики, умѣющіе едва-едва кое-какъ читать. Отсюда, съ перваго же времени — успѣхъ лубочника, ибо онъ зналъ, что издавать и какъ распространять изданное» [1]). Поэтому лубочная литература является какъ бы зеркаломъ, отражающимъ «исконные» взгляды народа.

Главная масса лубочныхъ книгъ — духовно-нравственнаго направленія, преимущественно, житія святыхъ. Въ нихъ даются монашескіе аскетическіе идеалы (Симеонъ Столпникъ, Марія Египетская и множество другихъ), разсказываются за достовѣрное занимательныя преданія о борьбѣ святыхъ съ нечистою силой (Іоаннъ Новгородскій ѣдетъ въ Іерусалимъ верхомъ на чертѣ, котораго онъ изловилъ въ водѣ, перекрестивъ ее; святымъ подвижникамъ черти являются въ видѣ обнаженныхъ женщинъ и т. п.) Очень распространены житія великомучениковъ, пространно и подробно разсказывающія о всевозможныхъ кровавыхъ пыткахъ и истязаніяхъ, которымъ подвергали святыхъ и изъ которыхъ они чудомъ Божіимъ выходили невредимыми. Нерѣдко житія святыхъ повѣствуютъ о событіяхъ настолько фантастичныхъ, что дальше, кажется, некуда итти: семь отроковъ ефесскихъ, заточенные въ пещерѣ, воскресаютъ черезъ много лѣтъ, чтобы подтвердить истину будущаго всеобщаго воскресенія; молитва Гурію, Самону и Авиву переноситъ женщину во мгновеніе ока за тысячи верстъ, въ другое государство, въ храмъ, предъ икону святителей. Кромѣ «житій», распространены книги о пришествіи антихриста, о загробныхъ мытарствахъ св. Ѳеодоры, о страшномъ судѣ и т. д. Во всѣхъ нихъ черти, черти, черти. Всѣ разсказы принимаются всегда не символически, а совершенно реально, какъ истинныя происшествія.

---

[1]) *В. Марикуевъ.* О школьныхъ библіотекахъ.—Біографіи нѣкоторыхъ извѣстныхъ лубочниковъ разсказаны въ книгѣ *Пругавина,* Запросы народа и обязанности интеллигенціи.

Слѣпо вѣритъ народъ разсказываемымъ въ лубочныхъ книжкахъ чудесамъ, увѣренъ въ постоянномъ вмѣшательствѣ Бога и черта въ житейскія дѣла—и крѣпко сознаетъ свое ничтожество, свое безсиліе въ этой жизни.

Житія святыхъ могли бы имѣть то благотворное вліяніе на простую душу читателя, что давали бы идеалы, которыхъ не даетъ народу печальная окружающая обстановка. Къ сожалѣнію, лишь очень немногія житія, и то преимущественно изданія интеллигентной фирмы «Посредникъ», даютъ *жизненные* христіанскіе идеалы (Филаретъ Милостивый; Петръ Мытарь). Лубочныя-же «житія» не могутъ развивать здороваго жизненнаго идеализма, такъ какъ въ нихъ восхваляется, главнымъ образомъ, *умерщвленіе* плоти въ той или другой формѣ; аскетическое умерщвленіе самыхъ естественныхъ потребностей и желаній или смерть отъ мучителя ради небесной награды. Это соотвѣтствуетъ народнымъ церковнымъ аскетическимъ идеаламъ, по которымъ—«близиться къ смерти» и «близиться къ святости» слилось въ единый спасительный путь. [1])

Едва-ли нужно характеризовать подробно лубочную литературу патріотическаго содержанія. Она проникнута крайнимъ шовинистическимъ направленіемъ и варварской нетерпимостью къ иноземному, басурманскому, «безбожному». Въ ней всѣ русскіе цари и генералы—герои, и Богъ всегда идетъ воевать вмѣстѣ съ русскимъ «христолюбивымъ воинствомъ». Разбирая лубочную литературу о русско-японской войнѣ и, въ частности, лубочную карикатуру того времени, г. Бѣлоконскій приходитъ къ заключенію, что послѣдняя «безсовѣстно лгала и обманывала народъ, совершенно искажая дѣйствительность: она прославляла грубую силу, невѣжество и тьму. Трудно взвѣсить то зло, тотъ развратъ, который вносился въ широкія массы населенія лубочною каррикатурою о русско-японской войнѣ» [2]).

Какъ книжки духовнаго содержанія любимы въ народной

---

[1]) *Розановъ*, Русская церковь. Пол. 36 1906, № 8.

[2]) *И. Бѣлоконскій*. Лубочная литература о Японско-Русской войнѣ. Образ. 1905, № 1.

средѣ потому, что онѣ игнорируютъ окружающую дѣйствительность, поддерживаютъ вѣру въ сверхъестественную, божественную справедливость, въ загробную награду, такъ и книги беллетристическаго характера особенно цѣнятся тогда, когда онѣ уносятъ мысль отъ безотрадной правды въ далекую сказочную область, родину богатырей, героевъ, страну смертельныхъ опасностей и яркихъ подвиговъ. Отсюда любовь къ сказкамъ, къ героическимъ повѣствованіямъ, въ родѣ «Протупея-прапорщика», «Англійскаго Милорда», «Гуака» и т. п. Эти книжки читаются и дѣтьми и взрослыми съ одинаковымъ увлеченіемъ. Лубочная беллетристика также могла бы имѣть благотворное воспитательное вліяніе, такъ какъ она постоянно разсказываетъ о герояхъ. Но бѣда въ томъ, что героизмъ-то ея персонажей часто весьма сомнительной нравственной цѣнности. То онъ выражается въ легкихъ и полныхъ побѣдахъ надъ дамскимъ сердцемъ (Милордъ), то въ кровавыхъ воинскихъ подвигахъ (Бова, Еруcланъ), то въ разбойничьихъ потѣхахъ (всѣ разсказы про атамановъ и разбойниковъ), то въ ловкихъ плутовскихъ продѣлкахъ (Солдатъ Яшка). Лишь очень немногіе изъ героевъ не шокируютъ нравственнаго чувства интеллигентнаго читателя (Тарасъ Бульба, Робинзонъ Крузо, Князь Серебряный, извѣстные народу въ передѣлкахъ болѣе или менѣе безграмотныхъ).

Что касается въ частности сказокъ, чтенія преимущественно дѣтскаго, то подавляющее большинство ихъ содержитъ повѣствованія о чертяхъ, вѣдьмахъ, бабѣ-ягѣ, заговорахъ, колдовствахъ и т. д.; весьма многія также сочувственно передаютъ жестокія или плутовскія продѣлки своихъ героевъ (всѣ сказки о солдатахъ). Итакъ, беллетристическій отдѣлъ лубочной литературы, повѣствуя, главнымъ образомъ, о герояхъ сказочной дѣйствительности, не можетъ служить воспитанію здоровой жизненной энергіи и, кромѣ того, по самому характеру подвиговъ своихъ героевъ долженъ вліять развращающе на народное правосознаніе и народную нравственность. Воспитанное лубочной литературой восхищеніе предъ «героями», достигающими своихъ цѣлей всѣми дозволенными и недозволенными средствами, иногда мѣшаетъ понимать болѣе серьезное и цѣнное

литературное произведеніе. Мнѣ извѣстенъ случай, когда въ народномъ театрѣ, на представленіи «Ревизора», народъ выражалъ живое сочувствіе Хлестакову, принимая его за ловкаго мошенника лубочнаго типа; другой случай — при постановкѣ «Пучины» Островскаго, представляющей грустную драму слабовольнаго интеллигента, опустившагося въ мѣщанской средѣ, простая публика одобряла «злодѣя» пьесы, купца, построившаго свое благосостояніе на ловкомъ обманѣ, и восхищалась лицомъ, ловко сумѣвшимъ заставить героя совершить подлогъ. [1]).

Научнаго отдѣла въ лубочной литературѣ не существуетъ, если не считать двухъ-трехъ «историческихъ» очерковъ, разсказывающихъ о подвигахъ русскихъ войскъ, о героизмѣ русскихъ завоевателей (Суворовъ, Ермакъ). Но для научныхъ популяризацій нѣтъ и читателей въ деревнѣ (я говорю о массѣ). При суевѣрномъ признаніи вмѣшательства въ дѣйствительную жизнь свѣтлыхъ и темныхъ силъ загробнаго потусторонняго міра,— научныя книги съ успѣхомъ замѣняются сонниками и оракулами, которыя распространяются въ народѣ въ чудовищномъ количествѣ.

Борьба съ лубочной литературой ведется все энергичнѣе. Въ настоящее время мы видимъ цѣлый рядъ интеллигентныхъ книгоиздательствъ, дающихъ для народа дешевыя книги беллетристическаго и научнаго характера. Въ общемъ, направленіе этихъ книгъ, безусловно, здоровое. Онѣ стремятся освѣтить назрѣвшіе вопросы *жизни*, стараются пробудить энергію не для достиженія только загробныхъ наградъ, но для облегченія и очеловѣченія здѣшняго земного существованія. Эти книги начинаютъ проникать въ массу черезъ земскіе склады, школы, народныя читальни. Нужно сказать, что и нѣкоторые лубочники-издатели нѣсколько облагородили свой товаръ. Не переставая, конечно, фабриковать сонники и оракулы, они стали пускать на рынокъ въ видѣ книжекъ-листовокъ не одни ужъ безсмысленныя издѣлія лубочныхъ «писателей», но и нѣкоторыя произведенія Толстого, Пушкина, Жуковскаго, Гаршина, Чехова,

---

[1]) Корреспонденція «О народномъ спектаклѣ»—Образ. 1896, кн. 5—6.

Горькаго. Эта «улучшенная» лубочная литература еще не оцѣнена народомъ. Произведенія ея далеко не такъ извѣстны, какъ Бова, Милордъ, Гуакъ, Заднѣпровская Вѣдьма и т. п. Впрочемъ, въ литературныхъ вкусахъ народа, какъ разъ въ настоящее время, долженъ совершиться переворотъ. Потрясенія послѣдняго времени заставляютъ его ближе присмотрѣться къ жизни, возбуждаютъ рядъ вопросовъ и приближаютъ къ той книгѣ, которая стремится освѣщать и разъяснять эти животрепещущіе вопросы.

Дѣтскихъ журналовъ, пригодныхъ для крестьянскихъ дѣтей, почти нѣтъ. Наши журналы для дѣтей старшаго возраста («Родникъ», «Дѣтск. Чтеніе», «Всходы» и т. п.) по своему содержанію и изложенію трудны даже для окончившихъ двухклассную «образцовую» школу. Журналы для дѣтей младшаго возраста, каковы «Свѣтлячекъ», «Красныя Зори», чужды для крестьянскихъ дѣтей потому, что описываютъ, главнымъ образомъ, незнакомую имъ жизнь городскихъ дѣтей и берутъ изъ нея только мелочныя событія, значеніе которыхъ непонятно или неинтересно крестьянскимъ дѣтямъ: именины съ подарками и поздравленіями, какое-нибудь ничтожное приключеніе, сцену съ куклами и т. п. Если это и можетъ занимать городскихъ дѣтей, которымъ незнакомъ болѣе широкій міръ настоящихъ скорбей и радостей, настоящаго труда и борьбы, то для сельскихъ «маленькихъ мужичковъ» съ мозолистыми руками мелочи городской дѣтской жизни покажутся пустяками и не привлекутъ ихъ вниманія и сочувствія. Такимъ образомъ и до сихъ поръ въ воспитаніи крестьянскихъ дѣтей дѣтскіе журналы не играютъ никакой роли.

Хорошая книга почти никогда не покупается крестьянской семьей. Но школьныя библіотеки, а также безплатныя читальни (количество послѣднихъ, впрочемъ, въ селахъ ничтожно) все же пробуждаютъ интересъ къ ней среди народа. Эти библіотеки были до послѣдняго времени чрезвычайно стѣснены въ выборѣ книгъ министерскими катологами. Въ подборѣ книгъ, дозволенныхъ этими каталогами, ясно сказывалась тенденція сохранить въ народѣ аскетически церковное, фаталистическое міро

воззрѣніе, довѣрчивую покорность, пассивность, крайній шовинизмъ. Содержаніе библіотекъ составляли, кромѣ строго выбранной беллетристики, историческія брошюры, разсказывающія о царяхъ, о монастыряхъ, о побѣдоносныхъ русскихъ войнахъ, географическія—избѣгающія даже намека на знакомство съ государственнымъ строемъ передовыхъ государствъ, естественно-историческія, чисто описательныя, безъ всякихъ научныхъ выводовъ, хоть отдаленно, хоть косвенно не согласныхъ съ религіозно-фаталистическими взглядами. И все же, несмотря на всѣ старанія разныхъ «ученыхъ комитетовъ» обезцѣнить подборъ книгъ, предназначенныхъ для народа, несмотря на всѣ усилія сохранить его рабское міровоззрѣніе, его презрѣніе къ своей личности, презрѣніе къ жизни, поддерживаемое надеждой на то, что «все на небѣ»,—за послѣдніе годы все чаще и чаще среди деревенской молодежи являются новые читатели, умѣющіе понимать и цѣнить хорошую книгу. Они относятся критически къ окружающему, стремятся провѣрить традиціонныя понятія и думать, и жить посвоему.

Эти сознательныя единицы, обыкновенно, являются какъ бы «выродками» въ своей семьѣ: на нихъ обрушивается гнѣвъ старшихъ, увѣренныхъ въ непогрѣшимости «дѣдовской» правды, увѣренныхъ въ своемъ правѣ распоряжаться судьбой младшихъ членовъ семьи. «Читателей» не только упрекаютъ, бранятъ, унижаютъ на каждомъ шагу, но нерѣдко и поколачиваютъ. [1])

Жизнь крестьянской семьи и безъ того тяжела, груба, сурова. Когда же въ ней обнаружится серьезный расколъ, коренное разногласіе—жизнь дѣлается невыносимой. Такой разладъ въ крестьянской семьѣ встрѣчается теперь все чаще и чаще. Въ недалекомъ будущемъ онъ сдѣлается общимъ явленіемъ. Старое міровоззрѣніе могло держаться лишь при кругломъ невѣжествѣ, при обезличивающемъ безправіи и безнадежной нищетѣ народа. Освободительная волна постепенно измѣнитъ наи-

---

[1]) Многочисленные факты битья «читателей» изъ народа за чтеніе вообще и за чтеніе свѣтскихъ книгъ въ частности, см. въ статьѣ *Рубакина*: Читательская выучка. Образ. 1903, №№ 1, 2.

болѣе печальныя стороны народной жизни, измѣнитъ наиболѣе рабскія черты народнаго характера и разрушитъ авторитарный, суровый строй семьи. Семейное воспитаніе въ деревнѣ также измѣнится къ лучшему. Желательно, чтобы при этомъ измѣненіи сохранились нѣкоторыя цѣнныя его стороны: свобода ребенка (но не безпомощность), удалыя національныя игры, посильное участіе въ работѣ взрослыхъ и, главное, близость къ природѣ и дѣйствительной жизни, дающая знанія, воспитывающая мѣткую наблюдательность, безыскусственную правдивость и истинную нравственность, основанную на пониманіи людей и состраданіи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Общая характеристика семейнаго воспитанія въ различныхъ городскихъ классахъ.

Во вступленіи къ этой работѣ я уже говорилъ о необыкновенной пестротѣ картины русскаго городского семейнаго воспитанія, разнообразіи какъ общаго отношенія къ дѣтямъ, такъ и педагогическихъ взглядовъ, методовъ, пріемовъ.

Это разнообразіе является слѣдствіемъ не только неодинаковости матеріальнаго достатка, разницы общественнаго положенія и рода занятій различныхъ семействъ. Такая разница существуетъ во всѣхъ странахъ. Въ Россіи же есть иныя, свойственныя ей болѣе, чѣмъ другимъ странамъ, причины, порождающія указанную пестроту воспитанія; таковы, во-первыхъ, слишкомъ большая разница культурнаго уровня различныхъ классовъ населенія и, во-вторыхъ, отсутствіе общепризнанной національной системы воспитанія.

Въ малокультурныхъ низшихъ городскихъ классахъ, вообще, мало заботятся о воспитаніи. Родители, сами выросшіе, обыкновенно, въ суровой обстановкѣ старой русской семьи, при тяжелыхъ бытовыхъ и матеріальныхъ условіяхъ, видѣвшіе и бѣдность, и непосильный трудъ, и униженія всякаго рода, не считаютъ дитя тѣмъ нѣжнымъ организмомъ, который требуетъ

особенно тщательнаго отношенія къ себѣ, строгаго вниманія къ окружающимъ вліяніямъ физическимъ и нравственнымъ. Безъ раздумья, безъ критики здѣсь примѣняются традиціонные народные пріемы воспитанія, до битья, свивальника и соски включительно. «Новшества», даже самыя элементарныя. полезныя до очевидности, все же вводятся туго. Они требуютъ часто и матеріальныхъ затратъ и, главное, бо̀льшаго вниманія, большей заботливости о дѣтяхъ, которыя въ низшихъ классахъ не считаются еще полноправными членами семьи.

Въ семьѣ средняго русскаго обывателя воспитаніе ведется не такъ слѣпо. До нѣкоторой степени считаются съ гигіеной, понемногу вводятъ то новое, что̀ рекомендуется врачами и педагогами. Но это новое часто, сплошь и рядомъ, уживается съ самыми неразумными, самыми вопіющими остатками стараго. Легко встрѣтить семью, гдѣ дѣтей осторожно кормятъ строго выбранной пищей, но наказываютъ побоями, «шлепками» за всякую мелочь; или ребенка не свиваютъ, укладываютъ спать въ просторномъ конвертикѣ, но на всю ночь оставляютъ во рту его резиновую соску и т. п.

Еще большая невыдержанность существуетъ въ умственномъ и нравственномъ воспитаніи, гдѣ воспитательныя вліянія менѣе очевидны, гдѣ они неразрывно связаны съ общимъ строемъ, общимъ духомъ семьи. Современная средняя семья, какъ извѣстно, переживаетъ смутное время: между дѣдами, отцами и дѣтьми выросла коренная и многосторонняя рознь. Поэтому вліянія на ребенка теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, безсистемны, разнообразны, противорѣчивы. Не мало семействъ, гдѣ каждое поколѣніе старается влiять на ребенка (на внука, сына, брата) по-своему, и дитя является невольной жертвой этихъ разногласій.

Для интеллигентныхъ родителей средняго круга, воспитанныхъ, часто, по-старинному, но получившихъ образованіе и потому относящихся сознательно къ вопросамъ семейнаго воспитанія,—не легко разобраться въ окружающихъ противорѣчіяхъ. У насъ нѣтъ *среды*, гдѣ прививались бы разумные педагогическіе взгляды, давались бы хоть общія знанія надежныхъ

основъ воспитанія. Въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ гигіена и педагогика или вовсе не преподаются, или занимаютъ послѣднія мѣста, какъ предметы «не-главные». Педагогическая литература удѣляетъ очень мало вниманія вопросамъ *семейнаго* воспитанія, занимаясь почти исключительно школьнымъ и, такъ называемымъ, внѣ-школьнымъ образованіемъ. Конечно, литературу нельзя винить въ этомъ: русская школа переживаетъ трудный періодъ перестройки, народное образованіе требуетъ массы силъ не только для работы, но и для расчистки пути, для борьбы съ различными посторонними условіями, тормозящими дѣло,—и естественно, что педагическая литература, въ частности журналистика, этимъ вопросамъ посвящаетъ большую часть своихъ силъ. Семейное же воспитаніе остается какъ-то въ сторонѣ, и вопросы его не получаютъ необходимой разработки и популяризаціи. Поэтому особенно трудна задача средней интеллигентной семьи поставить воспитаніе на новыхъ разумныхъ основаніяхъ, и часто приходится ей бродить ощупью, дѣйствовать наугадъ, быть непослѣдовательной.

Въ высшихъ, наиболѣе культурныхъ, кругахъ русскаго общества семейное воспитаніе наиболѣе рѣзко порвало съ національными традиціями, но не вылилось въ единую опредѣленную систему. Для каждой семьи здѣсь предстоитъ цѣлый рядъ труднѣйшихъ вопросовъ, которые каждая семья рѣшаетъ посвоему. Какой изъ иностранныхъ системъ отдать преимущество при воспитаніи своего ребенка? Что̀ именно заимствовать изъ образцовъ, принесенныхъ съ запада? Можетъ быть, заимствовать различное изъ различныхъ системъ? Какъ, устраивая воспитаніе во многомъ по-иностранному, воспитать все же *русскаго* человѣка? На каждомъ шагу возникаютъ недоумѣнія, на каждомъ шагу приходится дѣлать выборъ изъ различныхъ чужеземныхъ пріемовъ, приходится испытывать, пробовать, дѣйствуя на свой страхъ и рискъ. И картина воспитанія въ высшихъ классахъ русскаго общества не менѣе, а болѣе пестра, чѣмъ въ среднихъ и низшихъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Физическое воспитаніе городскихъ дѣтей. — Дѣти бѣдноты въ маленькихъ городкахъ и въ большомъ городѣ.—Жилища бѣднѣйшихъ классовъ.—Отсутствіе мѣста для игръ.—Другія гибельныя условія. — Болѣзненность дѣтей городской бѣдноты.—Дѣтская въ домѣ средняго русскаго обывателя.—Воспитаніе «по Жуку».—Борьба новаго и стараго.—Неподготовленность дѣвушекъ къ роли матери. — Особенности положенія русской интеллигентной матери.—Помощники матери: старшіе члены семьи, няня.—Кормилица.

Бѣдность и некультурность сдѣлали тяжелыми и часто гибельными условія жизни сельскаго ребенка, несмотря на окружающій просторъ, близость природы, общую простоту деревенской жизни. Что же можно сказать о жизни дѣтей бѣднѣйшихъ слоевъ городского населенія, гдѣ тѣ же бѣдность и некультурность, но при этомъ нѣтъ ни простора полей, ни свободы деревенской улицы, ни простоты, искренности деревенскихъ отношеній? Душна, темна, не гигіенична деревенская изба. Но лучше ли ея квартиры городской бѣдноты, худыя, сырыя, переполненныя народомъ, темныя, окруженныя другими, столь же смрадными квартирами, съ ужасными зловонными лѣстницами и дворами?

Въ небольшихъ городкахъ, особенно на окраинахъ ихъ, условія жизни дѣтей бѣдняковъ еще не такъ ужасны, какъ въ рабочихъ кварталахъ большихъ городовъ. Для физическаго развитія русскіе небольшіе городки представляютъ немалыя преимущества. Если въ нихъ часто не соблюдаются даже простѣйшія требованія общественной гигіены, если нерѣдко встрѣчаются дворы, представляющіе сплошную мусорную яму, непролазно грязныя улицы, о которыхъ на каждомъ засѣданіи безплодно говорятъ думскія санитарныя коммиссіи, — зато въ такихъ городкахъ, обыкновенно, сохраняются еще лучшія стороны деревенской обстановки. Окраины ихъ часто утопаютъ въ садахъ, окружены лугами, полями; самыя улицы зарастаютъ травою и представляютъ лужайки, гдѣ на полной свободѣ

рѣзвятся цѣлыя стаи босыхъ, загорѣлыхъ, крикливыхъ ребятишекъ.

Несчастнѣе ихъ дѣти бѣдноты въ большихъ городахъ. Нужно сказать, что жилищный вопросъ является вообще однимъ изъ самыхъ больныхъ вопросовъ для бѣднѣйшихъ классовъ городского населенія. У насъ нѣтъ, какъ за границей, многочисленныхъ комитетовъ, строительныхъ обществъ и компаній, занимающихся постройкой дешевыхъ и здоровыхъ жилищъ и пользующихся исключительнымъ покровительствомъ закона. Наши городскія думы не имѣютъ, какъ заграничные муниципалитеты, громадныхъ корпусовъ, раздѣленныхъ на дешевыя квартиры, не приносящихъ почти никакой прибыли городу, но дающихъ пріютъ и бѣднѣйшимъ, и сравнительно зажиточнымъ семьямъ рабочихъ [1]. Наши фабричныя и другія крупныя промышленныя предпріятія устраиваютъ корпуса для рабочихъ, но здѣсь «въ антисанитарности жилищъ рабочихъ» мы перещеголяли и пресловутыя прелести запада» [2]). Значительная же часть промышленниковъ совсѣмъ не озабочена устройствомъ или помощью въ прiисканіи жилищъ рабочимъ. Поэтому фабричные, такъ же, какъ мелкіе ремесленники-одиночки, уличные торговцы, извозчики, прачки и прочія массы городской бѣдноты, принуждены ютиться въ дешевыхъ квартирахъ, составляющихъ предметъ наживы домохозяевъ, мало озабоченныхъ соблюденіемъ санитарныхъ или гигіеническихъ требованій.

Стремленіе къ наживѣ, съ одной стороны, и крайняя нужда, съ другой, дѣлаютъ условія жизни въ такихъ домахъ убійственными [3]). Обыкновенно, въ одной квартирѣ ютятся по нѣскольку семействъ и одинокихъ жильцовъ, снимающихъ уголъ, кровать или полкровати. Тѣснота ужасная. Въ одной небольшой комнаткѣ, съ однимъ, двумя окнами, помѣщаются часто до

---

[1]) См. статью *М. И. Покровской:* Жилища рабочихъ и законодательныя мѣры къ ихъ улучшенію. В. Евр. 1899, кн. 12.

[2]) *В. В. Святловскій.* Квартирный вопросъ. Стр. 76 и слѣд.

[3]) Въ этой части работы пользуюсь статьями *М. И. Покровской:* О жилищахъ петербургскихъ рабочихъ. Рус. Бог. 1897, кн. С., *А и О.:* Цифры и факты изъ переписи Петербурга. Р. Мысль, 1902, кн. 2.

20 человѣкъ, такъ что иногда на каждаго приходится лишь по половинѣ кубич. сажени воздуха [1]).

Свѣта также мало. Во многихъ квартирахъ есть, между прочимъ, «полутемныя» комнаты, т.-е. выходящія окномъ въ корридоръ, подъ каменныя ворота или въ близъ стоящую стѣну. Мѣсто въ этихъ комнатахъ сдается подешевле, поэтому онѣ всегда густо населены. Духота, сырость, запахъ пота, грязнаго бѣлья, иногда принадлежностей промысла (кожи у сапожниковъ) или предметовъ торговли (селедокъ, спичекъ), сложенныхъ подъ кроватями—все это нужно видѣть, чтобы ясно представить себѣ. Спятъ по нѣскольку человѣкъ на одной кровати или на нарахъ. Дѣти вмѣстѣ съ взрослыми. Грудныя дѣти обыкновенно спятъ въ люлькахъ, но чтобы люлька не занимала особаго мѣста, которое такъ дорого цѣнится, ее подвѣшиваютъ надъ постелью, между потолкомъ и кроватью. Мѣстомъ игръ дѣтей служатъ лѣстница и дворъ, обыкновенно, грязный, сырой, зловонный, лишенный растительности.

Къ этимъ условіямъ надо прибавить крайне скудное питаніе, жалкую грязную одежду, часто переходящую отъ одного владѣльца къ другому, недостаточность медицинской помощи, наконецъ, невѣжество старшихъ, которое усиливаетъ ужасы бѣдности: дѣтей рѣдко моютъ, жестоко свиваютъ, качаютъ, кормятъ чѣмъ попало... Кажется здѣсь соединилось все, чтобы изуродовать, погубить ребенка. И дѣйствительно, смертность дѣтей здѣсь ужасна, болѣзненность—общее явленіе. По даннымъ доктора В. П. Жуковскаго, собраннымъ въ его диссертаціи, количество рахитиковъ въ Петербургѣ, среди приносимыхъ въ больницы дѣтей, равняется 95% [2]).

Въ болѣе зажиточныхъ городскихъ классахъ физическое воспитаніе ведется неудовлетворительно уже не вслѣдствіе бѣдности, а вслѣдствіе некультурности и вѣками установившагося невниманія къ дѣтямъ. Большая часть такъ называемаго сред-

---

[1]) Нормальное количество воздуха въ помѣщеніи—$2^1/_2$—3 куб. саж. на человѣка.

[2]) Эту дату заимствую изъ журнала Вѣст. Восп. 1894 г. № 5. Самой же диссертаціи В. П. Жуковскаго достать не удалось.

няго русскаго общества недавно стала причастна образованности. Тамъ не могли еще глубоко привиться культурные вкусы и привычки «Приличная» семья средняго русскаго обывателя сплошь и рядомъ ограничивается чисто внѣшней. казовой цивилизованностью. Внѣшнее перенимается легче, скорѣе: оно на виду у всѣхъ, оно такъ важно для жизни—для знакомствъ, для карьеры. Въ русской обывательской семьѣ заботливость преимущественно о показной сторонѣ сказывается во всемъ: въ одеждѣ. въ устройствѣ дома. въ семейныхъ отношеніяхъ—и особенно вредно отзывается на жизни дѣтей, этихъ безправныхъ, беззащитныхъ, безсильныхъ членовъ семьи.

Загляните въ квартиру средняго русскаго обывателя. Въ гостиной, въ столовой. въ залѣ. въ передней—какъ будто все благоустроено. все на своемъ мѣстѣ; пожалуй, есть не только необходимое. но и лишнее, замѣтны претензіи на роскошь: дорогая мебель, часто излишество украшеній, зеркалъ, бездѣлушекъ, не всегда свидѣтельствующихъ о вкусѣ. Но зайдите въ спальню и особенно въ дѣтскую—и обнаружится грустная закулисная сторона. Для спальни и дѣтской, обыкновенно, отводятся комнаты самыя маленькія, самыя темныя, иногда и самыя сырыя, благодаря недостатку свѣта. Дѣти спятъ въ одной комнатѣ. часто и въ одной кровати съ кѣмъ-либо изъ взрослыхъ. Кроватей. вообще. рѣдко имѣется въ достаточномъ количествѣ. Дѣти помѣщаются въ одной кровати по нѣскольку человѣкъ, спятъ на сундукѣ, на диванѣ, на составленныхъ вмѣстѣ стульяхъ, а то и просто на полу. «У болѣе изобрѣтательныхъ родителей,—пишетъ одинъ наблюдатель [1]), — при обиліи дѣтей, намъ зачастую случалось видѣть и двухъэтажныя кровати, на которыхъ одинъ мальчуганъ спитъ чуть-ли не у самаго пола, а другой—подъ потолкомъ, т.-е. оба улеглись въ такихъ мѣстахъ, гдѣ воздухъ всего вреднѣе. Посреди комнаты стоитъ, для общаго пользованія, открытая посудина, отравляя воздухъ своими испареніями. Тутъ же гдѣ-нибудь пріютилась и прислуга. И вся эта картина освѣщается мерцающимъ свѣтомъ лампадки.

---

[1]) *В. Жукъ.* Мать и дитя.

Запахъ масла, копоти, поту и испражненій переполняетъ воздухъ. И при такихъ-то условіяхъ растетъ и развивается молодое поколѣніе!... Свѣжій воздухъ, необходимость вентиляціи, свободнаго помѣщенія, отдѣльной постели для каждаго ребенка— все это вздоръ и выдумки новаго времени: «росли же мы при такихъ условіяхъ и дожили вотъ до какихъ лѣтъ!»

Конечно, и въ другихъ странахъ среднія буржуазныя семьи болѣе заботятся о внѣшнемъ, чѣмъ о закулисномъ, скрытомъ отъ постороннихъ глазъ, внимательнѣе обставляютъ гостиную, чѣмъ дѣтскую,—но у русскихъ особенно велика разница между показной и закулисной сторонами жизни, вслѣдствіе, повторяю, новизны для насъ тѣхъ условій, которыя привычны для людей культурныхъ странъ, у насъ же пока перенимаются извнѣ, какъ мода, какъ признаки хорошаго тона, поэтому и не всегда отражаются на скрытыхъ сторонахъ жизни. Нельзя, конечно, сказать этого обо всемъ среднемъ классѣ. За послѣднее время нерѣдки, особенно среди трудовой интеллигенціи, примѣры совершенно иного отношенія къ дѣтямъ и ихъ воспитанію. Теперь все чаще можно встрѣтить въ среднихъ классахъ родителей, которые сознаютъ важность и многостороннюю трудность воспитанія и прилагаютъ не мало силъ, чтобы вести его не кое-какъ, не по-старинѣ, а согласно съ разумными требованіями гигіены и педагогики. Для дѣтей отводится просторная свѣтлая комната. Въ ней все устраивается или по совѣту врача, или—чаще—по указанію популярной книги, «по-Жуку» [1]). Мать, часто и отецъ, ревниво слѣдятъ за каждой мелочью, справедливо признавая, что въ физическомъ воспитаніи часто небольшая ошибка можетъ имѣть крупныя послѣдствія.

---

[1]) Объемистая книга В. Н. Жука «Мать и Дитя», содержащая массу гигіеническихъ совѣтовъ и указаній, основательно мотивированныхъ, касающихся всѣхъ сторонъ первоначальнаго воспитанія,—уже четверть вѣка обслуживаетъ русскія интеллигентныя семьи. Въ 1905 году вышло 8-ое изданіе. Почти въ каждое изданіе вносятся перемѣны и дополненія, соотвѣтствующія «послѣднимъ словамъ» гигіены. Книга въ своемъ родѣ единственная

Нужно сказать, что эти среднія интеллигентныя семьи, гдѣ по совѣтамъ врача и популярнымъ книжкамъ выполняются, по мѣрѣ возможности, совѣты гигіены и педагогики,—являются наиболѣе отраднымъ оазисомъ въ общей хаотической картинѣ русскаго воспитанія. Здѣсь нѣтъ ни преступной небрежности и уродованія дѣтей во имя традицій, ни излишняго баловства и уродованія во имя моды, какъ это мы видимъ въ великосвѣтскихъ семьяхъ, гдѣ шикарныя колыбельки, атласные конвертики, кружевныя шапочки, откормленныя кормилицы, банки модныхъ продуктовъ для подкармливанія, — все это имѣется, главнымъ образомъ, какъ признакъ хорошаго тона, который соблюдается около ребенка болѣе по совѣтамъ моднаго журнала, чѣмъ книгъ гигіеническихъ и педагогическихъ.

Къ сожалѣнію, среди общей безтолковщины русскаго семейнаго воспитанія, при новизнѣ дѣла, и въ лучшихъ интеллигентныхъ семьяхъ не всегда добрыя намѣренія приводятъ къ соотвѣтствующимъ результатамъ. Ошибки здѣсь очень часты. Наиболѣе частая ошибка — излишняя пунктуальность, слишкомъ слѣпое слѣдованіе книгѣ, мѣшающее приспособиться къ индивидуальности ребенка и къ отдѣльнымъ частнымъ случаямъ. Напримѣръ, грудного ребенка кормятъ черезъ два часа. Ребенокъ привыкаетъ, все идетъ ладно. Но вотъ, благодаря какой-нибудь болѣзни, временной сонливости и т. п. ребенокъ не ѣстъ въ назначенное время. Мать держитъ его у груди опредѣленное число минутъ и укладываетъ. Черезъ часъ ребенокъ проснулся. Онъ голоденъ, плачетъ. Но мать пунктуально соблюдаетъ по часамъ время кормленія и заставляетъ ребенка голодать еще часъ. Накричавшись до безсилія, ребенокъ засыпаетъ. Но въ назначенную минуту его будятъ, — и онъ, нуждаясь во снѣ послѣ крика, опять плохо ѣстъ и, пожалуй, опять уснетъ голоднымъ. Подобное неумѣнье приспособиться къ частному случаю, излишняя пунктуальность, конечно, нерѣдко отражаются на здоровьи ребенка.

Новизна и трудность дѣла ведутъ къ ошибкамъ, а ошибки— къ разочарованіямъ. Очень часто русскіе родители воспитываютъ «по Жуку» только перваго ребенка и то лишь въ первые

годы. Матери, желающей воспитывать не по-старинному, всегда приходится выдерживать борьбу съ представителями старшаго поколѣнія, иногда и съ мужемъ. Всякая ошибка ставится ей въ укоръ. «Вотъ, завела новшества—и вышелъ ребенокъ чахлый. Въ старину развѣ такіе ребята-то были!» Сторонникамъ традиціоннаго воспитанія можно бы привести свидѣтельства врачей о вліяніи нѣкоторыхъ пріемовъ этого воспитанія, можно бы показать цифры дѣтской смертности, свидѣтельствующія, что русское «старинное» воспитаніе - далеко не самое лучшее. Но развѣ показанія врачей и статистики убѣдительны для нашихъ бабушекъ и тетушекъ?

И подъ вліяніемъ несочувствія окружающихъ одинокая молодая мать часто сдается: конвертики замѣняются свивальниками, вѣшается качка или люлька, и злополучный «Жукъ» лежитъ въ пыли и полнѣйшемъ пренебреженіи... Бѣдная русская мать! Какъ много силы, почти героизма нужно ей, чтобы сразу внести въ свое дѣло тѣ разумные пріемы, которые за границей постепенно выработаны предыдущими поколѣніями.

Часто приходится сдаваться и потому, что нѣтъ возможности отдаться воспитанію своего ребенка. Русская интеллигентная женщина давно вышла на путь общественной дѣятельности. Работа внѣ дома—въ конторѣ, въ больницѣ, въ школѣ—отрываетъ ее отъ семьи. Приходится воспитаніе дѣтей поручать частію другимъ людямъ. Но у русской матери, обыкновенно, нѣтъ хорошихъ помощницъ. И старшіе члены семьи, и нанятыя няни, почти всегда, не раздѣляютъ ея взглядовъ на воспитаніе. Поэтому русская интеллигентная женщина находится въ трагическомъ положеніи: она или должна отказаться отъ радостей материнства, или цѣликомъ замуравить себя въ дѣтской, отдавшись воспитанію ребенка, сдѣлаться «самкой», «насѣдкой», и вести воспитаніе цѣликомъ по своимъ взглядамъ; или же поручать ребенка людямъ, которые все дѣло воспитанія повернутъ по-своему.

Женщину высшаго круга отрываютъ отъ дѣтей условія свѣтской жизни. Кромѣ того, въ свѣтской семьѣ, живущей «открыто», съ дѣтства не воспитывается въ женщинѣ склон-

ности къ домашнимъ занятіямъ. Возня на кухнѣ и въ дѣтской считается какъ-то низменной для дѣвушки хорошаго круга. Дѣвочку держатъ. какъ куколку, дѣвушку заботливо отстраняютъ отъ всего. что касается дѣторожденія и ухода за дѣтьми [1]). Впослѣдствіи. когда свѣтская дѣвушка дѣлается матерью. у нея нѣтъ ни умѣнья, ни желанія, ни времени. чтобы внимательно заняться этимъ труднымъ, мелочнымъ, «неинтереснымъ» дѣломъ—воспитаніемъ дѣтей. Привыкнувъ всѣ неинтересныя домашнія дѣла сваливать на прислугу, свѣтская женщина и это дѣло поручаетъ также людямъ чужимъ, благо матеріальное положеніе не мѣшаетъ ей имѣть и кормилицу, и няньку, и гувернантку.

О гувернанткахъ въ русской семьѣ я буду имѣть случай говорить во главѣ объ умственномъ воспитаніи.

Русская няня—это, обыкновенно, простая крестьянка, отъ которой требуется лишь одно—согласіе поступить къ дѣтямъ. Сплошь и рядомъ идутъ въ няни прислуги, оказавшіяся непригодными къ другимъ занятіямъ: сильно постарѣвшія горничныя, кухарки, иногда швеи и т. п. Это—инвалиды, которымъ дѣваться некуда. У простонародья и прислуги нерѣдко жалобы на нездоровье, неумѣнье и безсилье сопровождаются обычной фразой, сдѣлавшейся какъ бы поговоркой: «хоть въ няньки поступай». Эти дешевыя няни, обыкновенно, поступаютъ въ семьи средняго достатка. «Въ аристократическихъ же домахъ берутъ въ няни большею частью женщинъ, имѣющихъ представительный видъ, умѣющихъ прилично одѣваться и позировать; а имѣютъ-ли онѣ какое либо понятіе о гигіенѣ и нравственномъ воспитаніи ребенка, объ этомъ, обыкновенно, не спрашиваютъ и не заботятся. Итакъ, въ сущности, отъ кухарокъ, швей и горничныхъ у насъ требуется несравненно болѣе, чѣмъ

---

[1]) См. по вопросу о неподготовленности матерей *Л. Е. Гриневичъ:* Больной вопросъ. Рус. Шк. 1905, кн. 1; *М. Цебриковой:* Замѣтка о матеряхъ. Восп. и Обуч. 1902, № 2; *Н. Вашиловой:* Воспитаніе дѣвочки дома и въ учебномъ заведеніи. Вѣст. Восп. 1891 г. № 4.—Вообще, по этому вопросу жалобы въ литературѣ многочисленны

отъ нянь [1]). Что касается духовнаго вліянія на ребенка простой, часто неграмотной няни, то оно еще можетъ быть хорошо. Мягкость, сердечность, ласковость—эти обычныя достоинства русскаго народнаго характера, въ лучшемъ случаѣ, могутъ искупить недостатокъ общаго и педагогическаго развитія. Хотя, къ сожалѣнію, все болѣе рѣдкимъ становится этотъ типъ простой, мягкосердечной няни, напоминающій Пушкинскую Арину Родіоновну. Бывшія горничныя и кухарки, вкусившія прелестей внѣшней цивилизаціи, обыкновенно, не имѣютъ и тѣхъ достоинствъ характера, которыя были свойственны «старой нянѣ» недавняго прошлаго. Въ физическомъ же воспитаніи ни сердечность, ни доброта няни не могутъ замѣнить гигіеническихъ познаній и культурныхъ привычекъ. Няня даже рѣдко способна понять разумность требованій интеллигентной матери. Иногда же встрѣчаются няни, которыя сознательно относятся враждебно къ пріемамъ «новаго» воспитанія и, желая добра ребенку, намѣренно дѣлаютъ все по-своему, «какъ слѣдуетъ» [2]).

Очень часто въ няни берутъ деревенскую дѣвочку, которую, обыкновенно, родители отдаютъ противъ ея воли, изъ-за крайней нужды. Для маленькой няни, въ большинствѣ случаевъ, является совершенно непосильной ея тяжелая работа. Конечно, она не только не понимаетъ важности и отвѣтственности своего дѣла, но нерѣдко, черезъ недѣлю-другую, всей своей дѣтской душой ненавидитъ ребенка, своего постояннаго мучителя. Нерѣдки случаи, что такія няни тайкомъ бьютъ, щиплютъ, кусаютъ ребенка, вымещая на немъ ужасъ своей безпросвѣтной жизни.

Обычай имѣть кормилицу довольно распространенъ въ высшихъ и среднихъ классахъ, въ состоятельныхъ семьяхъ. Хотя за послѣдніе годы, благодаря настояніямъ врачей, при всякомъ случаѣ трактующихъ о бо́льшей полезности материнскаго кормленія, многія интеллигентныя матери предпочитаютъ сами

---

[1]) *Д-ръ Е. Покровскій.* Какія должны быть няни? Вѣст. Восп. 1891, № 6.

[2]) Школъ нянь въ Россіи немного; есть въ Одессѣ, есть въ Петербургѣ, при Воспитательномъ Домѣ и Фребелевскомъ Обществѣ.

кормить дѣтей, если, конечно. позволяютъ условія здоровья, службы и т. п.; но въ свѣтскихъ кругахъ, а также въ богатыхъ буржуазныхъ семьяхъ кормилицы до сихъ поръ приглашаются безъ всякой необходимости. У богатаго купечества, напримѣръ, имѣть кормилицу считается признакомъ хорошаго тона, такъ же. какъ имѣть рояль или хорошихъ лошадей. Этотъ обычай, вообще вредный, у насъ въ Россіи является прямо безчеловѣчнымъ, при страшной темнотѣ и бѣдности деревни и при томъ невниманіи къ дѣтямъ. которое дѣлаетъ жизнь ихъ необыкновенно дешевою. Нанимая кормилицу, не задаются вопросомъ о судьбѣ ея собственнаго ребенка. котораго отрываютъ отъ материнской груди. Дѣти кормилицы остаются безъ матери въ деревнѣ, у ближайшихъ родственницъ, занятыхъ по горло хозяйственными работами и на цѣлые дни поручающихъ ребенка наблюденію какой-нибудь дѣвочки или дряхлой старухи, неспособной работать. Ребенокъ и кормится плохо (въ кормилицы идутъ, конечно, изъ бѣднѣйшихъ семействъ, которыя часто не имѣютъ коровы, молоко которой хоть отчасти замѣнило бы ребенку молоко матери), растетъ совсѣмъ заброшеннымъ и почти навѣрное умираетъ. Д-ръ Воюцкій прослѣдилъ судьбу дѣтей 88 кормилицъ. Изъ этихъ дѣтей умерли безъ матери 72; двое остались живы потому, что матери ихъ были наняты съ условіемъ кормить обоихъ дѣтей, и хозяйскаго и своего; 12 кормилицъ вскорѣ послѣ найма возвратились по разнымъ причинамъ; и лишь въ двухъ случаяхъ дѣти безъ матери уцѣлѣли.

Такова обратная сторона этого дикаго обычая.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Физическое воспитаніе городскихъ дѣтей (продолженіе).—Утрировка гигіеническихъ требованій въ семьѣ высшихъ классовъ.—Закаливаніе.—Игры городскихъ дѣтей.—Отсутствіе мѣста для игръ.—Выборъ игръ.

Простонародная семья до жестокости невнимательна къ дѣтямъ. Интеллигентная семья часто, напротивъ, слишкомъ за-

ботливо опредѣляетъ каждый шагъ ребенка, слишкомъ опасливо бережетъ отъ простуды, усталости, болѣзни и всякихъ случайностей. Это часто выражается въ массѣ стѣсненій для ребенка, которыя особенно многочисленны въ теченіе одной половины года—въ зимнее время.

Многіе всю зиму не выпускаютъ дѣтей изъ комнаты. Другіе — такихъ большинство — если и позволяютъ выходить въ самые теплые зимніе дни, то такъ укутываютъ ребенка, что онъ еле ноги переставляетъ. Приведу изъ книги одного врача перечень зимней дѣтской одежды [1]). «Стоитъ только посмотрѣть несчастныхъ нашихъ дѣтей, бредущихъ по улицѣ въ зимнее время. Вы видите, въ большинствѣ случаевъ, съ трудомъ переваливающійся комъ пуха, сукна или мѣха, въ щелкѣ котораго едва виднѣются два глаза и кончикъ носа... Обыкновенно, ребенокъ бываетъ такъ наряженъ: помимо комнатнаго суконнаго или фланелеваго костюма, надѣваются на него вторые (шерстяные) чулки или гамаши, теплые штаны фланелевые, затѣмъ высокіе сапоги на мѣху; шелковый или шерстяной платокъ на грудь подъ шубу, состоящую изъ тулупчика или ватнаго пальто длиною (на ростъ) почти до пятокъ; на руки рукавицы или шерстяныя перчатки, на шею особенный шелковый или иной платокъ, чаще одинъ платокъ покрываетъ голову и обхватываетъ шею; на головѣ, помимо платка, мѣховая шапка съ теплыми наушниками и часто сверху еще башлыкъ. У дѣвочекъ ко всему этому присоединяется муфта!.. Ребенокъ, выполняя эту quasi-гигіеническую прогулку, пыхтитъ, учащенно дышитъ ртомъ и носомъ, потѣетъ и инстинктивно старается освободить шею отъ стѣсняющихъ дыханіе платковъ и шарфовъ; зато, обнаживъ ее, легко простуживается, наглотавшись, кромѣ того, холоднаго воздуха при разгоряченномъ тѣлѣ. Мнѣ не разъ случалось видѣть дѣтей, возвращающихся съ прогулки настолько потными, что приходилось мѣнять бѣлье».

Боясь заразы, многія интеллигентныя матери не позволяютъ

[1]) *А. М. Филипповъ.* Современное воспитаніе дѣтей дошкольнаго возраста. М. 1892, стр. 26.

своимъ дѣтямъ играть съ другими дѣтьми, не пускаютъ въ городскіе сады и парки, стараются изолировать отъ прислуги— и ребенокъ обрекается на одиночество, ему не дается свободы для физическаго развитія, не дается достаточно матеріала для наблюденій, не представляется случаевъ для развитія характера въ свободномъ общеніи съ другими дѣтьми. Излишняя осторожность часто вредитъ при выборѣ пищи. Ребенка, уже не грудного, такъ оберегаютъ отъ овощей, сырого молока, некипяченой воды и т. п., что, въ итогѣ, желудокъ его дѣлается слабымъ, безсильнымъ справиться съ лишнимъ ломтикомъ яблока или кусочкомъ овощи. Часто въ такихъ семействахъ злоупотребляютъ лѣкарствами и дезинфекціонными средствами, пріучаютъ ребенка спать лишь въ полной темнотѣ, при абсолютной тишинѣ и т. п. Въ концѣ концовъ, дѣти выходятъ слабыми, склонными къ заболѣваніямъ, мнительными, нервными [1]).

Изнѣженныя дѣти встрѣчаются у насъ гораздо чаще, чѣмъ, напротивъ, закаленныя. Идеи физическаго закаливанія мало прививаются у насъ и практика его недостаточно выработана. Дѣло въ томъ, что здѣсь приходится приспособляться къ условіямъ климата, поэтому пріемы закаливанія, взятые съ запада, далеко не всегда у насъ могутъ считаться раціональными. Между тѣмъ, нѣкоторыя матери осуществляютъ закаливаніе дѣтей совершенно по западнымъ образцамъ. Приходится видѣть, напримѣръ, глубокою осенью, въ холодную погоду, въ городскихъ паркахъ дѣтей съ оголенными колѣнями, «по-шотландски». Такое слѣпое подражаніе, конечно, можетъ имѣть печальные результаты. Система *русскаго* закаливанія—это еще дѣло будущаго.

Могучимъ средствомъ физическаго развитія являются дѣтскія подвижныя игры. Русскія національныя игры, какъ уже сказано, особенно отличаются своимъ молодецкимъ характеромъ и въ высшей степени пригодны именно для развитія

---

[1]) Много жизненныхъ примѣровъ утрированія гигіеническихъ требованій находимъ въ статьѣ женщ.-врача *Е. Дрентельнъ:* Не слишкомъ ли много мы лѣчимъ нашихъ дѣтей? Образ. 1896 г., кн. 7, и отд. изд.

силы, ловкости, живости. Но въ городахъ Россіи русскія игры не вездѣ пользуются правомъ гражданства. Правда, дѣти пригородовъ и окраинъ, проводя цѣлые дни на улицѣ, играютъ и въ горѣлки, и въ городки, и въ чехарду, лазятъ по плетнямъ и заборамъ, купаются до дрожи, ходятъ колесомъ на лужайкахъ. Но ближе къ центру города уже нѣтъ такого простора, и дѣти либо сидятъ въ комнатахъ, либо ютятся на лѣстницахъ и дворахъ, либо чинно гуляютъ съ боннами и гувернантками.

Почти ни въ одномъ русскомъ городѣ нѣтъ площадокъ для подвижныхъ игръ, какія площадки устроены, напримѣръ, въ каждомъ городѣ и большомъ селеніи Англіи. Въ нѣкоторыхъ нашихъ городскихъ садахъ и паркахъ, правда, имѣются отгороженные уголки, предназначенные для дѣтскихъ игръ, но эти площадки тѣсны, да, кромѣ того, въ паркахъ дѣти не чувствуютъ себя свободно. Обыкновенно, тамъ бываютъ дѣти только богатыхъ семействъ, одѣтыя, какъ на картинкѣ, съ няньками и гувернантками, которыя опасливо слѣдятъ за дѣтьми, то и дѣло вмѣшиваются въ ихъ игры, запрещаютъ все «опасное и неприличное». На площадкахъ играютъ въ вѣчныя кошки и мышки, веревочки, катаютъ обручи. Все это не можетъ вызвать настоящаго оживленія и не требуетъ сильныхъ разнообразныхъ движеній. Если же кто-нибудь изъ дѣтей задумалъ бы, сохрани Богъ, пройтись колесомъ, перекувырнуться черезъ голову или влѣзть на дерево, то на него обрушились бы не только няни и гувернантки, но и садовые сторожа, ибо въ этихъ единственныхъ мѣстахъ для игръ по деревьямъ лазить запрещается, по травѣ ходить запрещается, вѣтви ломать запрещается... Впрочемъ, русскія молодецкія игры не употребительны не только потому, что для нихъ въ городахъ нѣтъ мѣста. Лѣтомъ на дачахъ и въ имѣніяхъ дѣти могли бы вознаградить себя за городскія стѣсненія. Но дѣло въ томъ, что шумныя, живыя русскія игры въ интеллигентной русской семьѣ считаются грубыми и даже неприличными. Вмѣсто свободныхъ горѣлокъ, городковъ, бабокъ, палочки выручалочки, игръ въ царя, волки, коршуны, рѣпку и т. п., — введены пунктуальныя иностранныя игры: крокетъ, крикетъ, серсо и т. д. Эти игры

способствуютъ развитію ловкости, и - главное—онѣ изящны, что, помимо моды, и проложило имъ путь въ русскую семью. Но имъ далеко до свободныхъ и сильныхъ русскихъ «игрищъ», характерныхъ именно отсутствіемъ строгой пунктуальности, возможностью проявлять широкую самостоятельность, фантазію, изобрѣтательность. Лишь въ самые послѣдніе годы изрѣдка приходится встрѣчать интеллигентное семейство, сознающее недостаточность размѣренныхъ иностранныхъ игръ и охотнѣе позволяющее дѣтямъ играть въ русскія игры. Здѣсь также замѣчается поворотъ отъ иностраннаго къ національному.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Умственное и нравственное воспитаніе въ городскихъ семьяхъ. — Узость взглядовъ.—Недостаточное знакомство съ природой.—Двѣ крайности въ знакомствѣ съ жизнью.— Игрушки. — Русская дѣтская литература. — Театръ въ жизни русскаго ребенка.

Переходя къ характеристикѣ умственнаго и нравственнаго воспитанія городскихъ дѣтей, приходится прежде всего отмѣтить, какъ правило, отсутствіе широкихъ и просвѣщенныхъ взглядовъ на это великое дѣло.

Не говоря уже о низшихъ бѣднѣйшихъ слояхъ населенія, гдѣ воспитанія, въ смыслѣ цѣлесообразнаго систематическаго воздѣйствія на ребенка, совсѣмъ не существуетъ,—и въ семьяхъ зажиточныхъ классовъ «большинство матерей, имѣющихъ средства воспитывать дѣтей, только растятъ и питаютъ ихъ» [1]). О воспитаніи «человѣка», въ лучшемъ, благородномъ значеніи слова, рѣдко заботятся. До сихъ поръ, какъ и сорокъ лѣтъ назадъ, по отношенію къ русской семьѣ остается справедливымъ упрекъ К. Д. Ушинскаго, что у насъ «по большей части, дѣтей не воспитываютъ, а *готовятъ* чуть не съ колыбели къ поступленію въ то или другое учебное заведеніе, или къ выполненію условныхъ требованій того общественнаго кружка, въ

---

[1]) М. Поварнинская. О матеряхъ. Восп. и Обуч. 1902, № 2.

которомъ, по мнѣнію родителей, придется блистать ихъ дѣтямъ». Стараются не о томъ, чтобы дать знанія, а главнымъ образомъ, о томъ, чтобы «пройти» учебники, которые нужны для поступленія въ то или другое заведеніе, чтобы выучиться манерамъ и обращенію, соотвѣтствующимъ принятымъ въ извѣстномъ классѣ общества, чтобы обставить воспитаніе съ видимой стороны «какъ слѣдуетъ»: боннами, гувернантками, иностранными языками, музыкой и т. д.

Жизнь русскаго человѣка до послѣдняго времени протекала въ тѣсныхъ, мертвыхъ, давно опредѣленныхъ формахъ. Оригинальности, самостоятельности мало открывалось путей проявить себя широко и свободно. Поэтому понятны заботы родителей приготовить дѣтей именно къ этимъ формамъ, въ которыхъ только и возможно было сносное существованіе и дѣятельность русскаго человѣка. И вся окружающая жизнь также мало способствовала развитію «человѣка». Русскій ребенокъ рано сознаетъ себя барчукомъ, торговцемъ или мастеровымъ, рано начинаетъ покрикивать и топать на прислугу или заискивать у «добраго барина».

Для успѣховъ въ жизни, кромѣ нѣкоторыхъ выгодъ, даваемыхъ рожденіемъ, необходимъ прежде всего аттестатъ учебнаго заведенія. Поэтому главнѣйшимъ періодомъ воспитанія въ Россіи считается періодъ ученія въ школѣ. Въ это время родители относятся со вниманіемъ къ успѣхамъ ребенка. Хорошо, если ребенокъ пользуется въ семьѣ свободой, какъ дѣти городскихъ окраинъ, проводящія большую часть дня на улицѣ, безъ постояннаго придирчиваго надзора. Но въ большинствѣ «среднихъ» семействъ ребенокъ стѣсненъ, проводитъ время дома или около дома—и горизонтъ его остается до уродливости узкимъ. Ребенокъ словно нарочно оберегается отъ знакомства съ природой и человѣческой жизнью· По отчету инспектора одного петербургскаго средняго учебнаго заведенія, изъ учениць старшаго класса, дѣвицъ 18—19 лѣтъ, 75% не видѣли восхода солнца, 30% не видѣли озера и не могли разсказать, какъ изъ ржи дѣлается хлѣбъ, въ младшихъ классахъ многія

изъ дѣтей никогда не видали Невы [1]. Правда, большинство русскихъ зажиточныхъ семействъ проводитъ лѣтнее время не въ городѣ, а на дачѣ. Но дачныя мѣстности, въ сущности, то же городки, съ маленькими затѣйливо разукрашенными деревянными домиками, съ палисадниками и клумбочками, съ подстриженными аллеями, забросанными окурками и конфетными бумажками. Притомъ же, на дачѣ, обыкновенно, ведется почти городской порядокъ жизни: встаютъ дѣти поздно, играютъ и гуляютъ въ чистенькихъ изящныхъ городскихъ костюмчикахъ, на расчищенныхъ дорожкахъ и площадкахъ, подъ неусыпнымъ надзоромъ иностранныхъ гувернантокъ, попрежнему больше всего слѣдящихъ за чистотою дѣтскихъ рукъ и колѣнъ, за изяществомъ манеръ и чистотою французской рѣчи. Иногда на дачѣ дѣтей снабжаютъ гербаріемъ и сачкомъ для ловли насѣкомыхъ, но, при общей отчужденности отъ природы, при недостаткѣ интереса и любви къ ней и у взрослыхъ, изъ дѣтскаго коллекціонированія, обыкновенно, ничего не получается, кромѣ пустой забавы и безсмысленнаго уничтоженія насѣкомыхъ и растеній.

Счастливѣе дѣти тѣхъ городскихъ семействъ, которыя на лѣто переселяются не въ дачную мѣстность, а прямо въ деревню, на лоно природы. Вообще, это не принято. Въ село отправляются на лѣто лишь семейства помѣщиковъ, которыя проводятъ лѣто въ *своихъ* имѣніяхъ. Но и они часто предпочитаютъ русскому селу модный заграничный курортъ, общепризнанный по красотамъ своей подстриженной природы. И многія русскія дѣти высшихъ классовъ «выростаютъ убѣжденныя, что природа гдѣ-то за границей, гдѣ очень хорошо, а у насъ кругомъ— болото и гадость» [2].

Что касается знакомства дѣтей съ жизнью и людьми внѣ своего семейства, то въ этомъ отношеніи въ русскихъ городскихъ семьяхъ существуетъ двѣ крайности и нѣтъ «золотой середины»: одни дѣти, объ умственномъ и нравственномъ вос-

---

[1] Проф. *Гундобинъ.* Жизнь ребенка. Стр. 26.

[2] *Н. Лухманова.* Рознь между родителями и дѣтьми. В. и О. 1904 г., № 3.

питаніи которыхъ мало заботятся, скоро узнаютъ всѣ, и самыя интимныя, и самыя темныя и грязныя стороны жизни. Они видятъ, какъ окружающіе тяготятся повседневной работой, отъ нихъ не скроютъ и семейныхъ непріятностей, и сплетенъ о постороннихъ, они съ интересомъ выслушаютъ всѣ, не всегда пригодныя въ педагогическомъ отношеніи, подробности біографіи прислуги, знакомыхъ, сосѣдей. При такомъ свободномъ знакомствѣ съ жизнью могутъ получиться и дурные, и хорошіе результаты. Многое зависитъ отъ случая, отъ того, кто въ эти годы окружаетъ ребенка, знакомство съ кѣмъ послужитъ фундаментомъ дѣтскаго взгляда на окружающее. Во всякомъ случаѣ, при такомъ воспитаніи ребенокъ пріучается относиться серьезно къ людямъ; думать глубоко, не порхать легкомысленно мимо важныхъ, трагическихъ сторонъ человѣческой жизни. Гораздо менѣе естественна другая крайность, которая встрѣчается постоянно въ семьяхъ высшихъ классовъ. Подобно тому, какъ тамъ часто утрируютъ требованія гигіены и не даютъ организму свободно развиваться, такъ и въ умственномъ воспитаніи часто создаютъ вокругъ ребенка слишкомъ искусственныя условія. Отъ него стараются скрыть всѣ серьезныя стороны жизни взрослыхъ. Ему отмежовываютъ только міръ дѣтской, съ дѣтскими игрушками, дѣтскими книжками, уроками гувернантокъ и учителей. Съ чужими дѣтьми сходиться не позволяютъ, особенно съ дѣтьми иныхъ, низшихъ классовъ. Отъ прислуги держатъ какъ можно дальше. Но, конечно, совсѣмъ скрыть жизнь взрослыхъ отъ дѣтей не удается. И обыкновенно бываетъ такъ, что дѣти, отъ которыхъ скрываются серьезные и важные интересы взрослыхъ, скрываются трагическія стороны жизни,--узнаютъ ея поверхностныя, ничтожныя стороны, заражаются лживостью гостиныхъ, стремленіемъ къ условной комильфотности, наружному блеску и т. п.

Такое воспитаніе создаетъ дѣтей мелочныхъ, эгоистичныхъ, заносчивыхъ, мало пригодныхъ для серьезной работы, мало склонныхъ къ серьезнымъ интересамъ, неспособныхъ иногда и впослѣдствіи отрѣшиться отъ оцѣнки людей и вещей по ихъ внѣшней, казовой сторонѣ. Это тотъ типъ молодого человѣка.

который въ средѣ студенчества извѣстенъ подъ именемъ «бѣлоподкладочника». Молодежь этого типа выходитъ преимущественно изъ высшихъ классовъ городского населенія.

Тамъ, гдѣ воспитаніе не свободно, гдѣ дѣтямъ нѣтъ возможности близко узнать природу, сойтись съ чужими людьми, заглянуть въ ихъ жизнь,—тамъ особенно важное значеніе въ умственномъ и нравственномъ развитіи дѣтей пріобрѣтаетъ то, что составляетъ ихъ дѣтскій міръ—игрушки, книжки, дѣтскія развлеченія. Игрушки для русскихъ дѣтей пріобрѣтаются довольно безтолково. Покупается то, что понравится дѣтямъ на первый взглядъ, не думая о дальнѣйшемъ. Сравнительно мало распространены игрушки скромныя на видъ, но вызывающія работу воображенія или соображенія: кирпичики, брусики, картонажи. Въ бѣдныхъ семьяхъ, впрочемъ, игрушки все же лучше, чѣмъ въ зажиточныхъ. Въ первыхъ обычныя игрушки — простыя куклы, простыя (безъ фокусовъ) животныя, домики, солдатики, посуда. Дѣти занимаются ими долго, комбинируютъ ихъ по своей фантазіи, и такимъ образомъ эти игрушки способствуютъ развитію воображенія и самодѣятельности. Не то въ богатыхъ семьяхъ. Тамъ покупаются почти исключительно сложныя игрушки, съ фокуснымъ механизмомъ: говорящія куклы, бѣгающія животныя, всевозможныя заводныя машины. Эти дорогія игрушки или хранятся, какъ святыня, стоятъ гдѣ-нибудь въ маминомъ шкапикѣ и даются дѣтямъ только изрѣдка, «по праздникамъ», подъ трепетнымъ наблюденіемъ старшихъ, или же, отданныя дѣтямъ въ полное распоряженіе, вскорѣ оказываются сломанными, такъ какъ онѣ занимаютъ только своимъ фокусомъ, который дѣти хотятъ разслѣдовать, и потому ломаютъ игрушку. Во всякомъ случаѣ, подобныя игрушки только вновѣ поражаютъ воображеніе, какъ диковинка. Но именно отвлекая вниманіе своей замысловатостью, онѣ не даютъ матеріала для самостоятельной творческой работы ребенка. Когда фокусъ приглядится — ребенокъ скучаетъ. Скучающія дѣти—это обычное явленіе русской зажиточной семьи.

Русская дѣтская литература очень богата, разнообразна, идейна, идеалистична. Крупные вклады въ нее сдѣлали, прежде

всего, писатели для взрослыхъ, даже русскіе классики. Достаточно назвать имена Толстого, Пушкина, Крылова, Жуковскаго, Григоровича, Чехова, Гаршина, Полонскаго, Плещеева, Потапенко, Куприна, Мамина-Сибиряка, Станюковича, Баранцевича, Мачтета, Щепкиной-Куперникъ.

Изъ литераторовъ, писавшихъ и пишущихъ преимущественно или исключительно для дѣтей, многіе также пріобрѣли почетную извѣстность, таковы Ершовъ, Фурманъ, Авенаріусъ, Кл. Лукашевичъ, Засодимскій, Соловьевъ-Несмѣловъ, Чистяковъ, Кругловъ, Федоровъ-Давыдовъ, Алтаевъ, Позняковъ и др. Среди популяризаторовъ для дѣтей также можно назвать нѣсколько извѣстныхъ именъ: проф Н. П. Вагнеръ, проф. Кайгородовъ, проф. Ивановъ, проф. Богдановъ, а также Порѣцкій, Рубакинъ, Мечъ, Золотницкій, Слѣпцова, Пименова и др. Издаются и журналы для дѣтей какъ старшаго, такъ и младшаго возраста, причемъ почти всѣ они составляются интересно и разнообразно, ведутся опытными педагогами и располагаютъ видными литературными силами. Изъ журналовъ для старшаго возраста назовемъ «Родникъ», «Дѣтское Чтеніе», «Всходы», «Юный Читатель», «Дѣтскій Отдыхъ», для младшаго возраста — «Солнышко», «Свѣтлячекъ», «Красныя Зори».

Дѣтскія книги расходятся ежегодно въ милліонахъ экземпляровъ, но все же далеко не въ томъ количествѣ, которое хоть приблизительно соотвѣтствовало бы числу молодыхъ читателей въ Россіи. Дѣло въ томъ, что въ семьяхъ низшихъ классовъ совсѣмъ не принято покупать книгъ для дѣтей, кромѣ обязательныхъ учебниковъ. Только въ сравнительно интеллигентныхъ семьяхъ покупаются книги дѣтямъ, даже и дошкольнаго возраста. При этомъ совсѣмъ ужъ рѣдко можно найти семью, гдѣ книги дѣтямъ покупались бы съ достаточно строгимъ выборомъ. Обыкновенно, книгу дарятъ, къ празднику, ко дню рожденія и т. п., причемъ, покупая ее, руководятся внѣшнимъ видомъ книги, красотою переплета, количествомъ яркихъ рисунковъ и т. п. Поэтому, какъ показываютъ цифры, безсодержательныя, но красиво изданныя книги расходятся такъ же

бойко. какъ и лучшія произведенія дѣтской литературы [1]. Дѣти семействъ низшихъ классовъ, гдѣ не принято покупать дѣтскихъ книгъ. стараются удовлетворить свой умственный голодъ книгами. взятыми со стороны. «Маленькіе читатели, какъ извѣстно. держатъ въ настоящемъ осадномъ положеніи не только школьныя библіотеки, но и безплатныя читальни и даже общественныя библіотеки» [2]. Къ сожалѣнію, количество библіотекъ и читаленъ ничтожно по сравненію съ количествомъ дѣтей, нуждающихся въ чтеніи. Кромѣ того, какъ уже было указано, до послѣдняго времени школьныя библіотеки и безплатныя читальни были стѣснены чрезвычайно узкими и тенденціозно составленными обязательными каталогами министерства народнаго просвѣщенія.

Говоря объ умственномъ воспитаніи. умѣстно упомянуть о томъ, какую роль играютъ въ жизни дѣтей театральныя представленія и другія зрѣлища.

Въ маленькихъ городкахъ, гдѣ нѣтъ постоянныхъ театровъ, дѣти изрѣдка видятъ представленія въ пріѣзжихъ циркахъ и балаганахъ. Уродливыя упражненія акробатовъ и грубыя шутки клоуновъ. конечно, могутъ оказывать только отрицательное воспитательное вліяніе. Болѣе безвредны пестрыя ярмарочныя карусели, которыя также изрѣдка радуютъ дѣтей русскихъ захолустій. Въ большихъ городахъ, гдѣ функціонируютъ постоянные театры для взрослыхъ,—обыкновенно, для дѣтей не существуетъ постоянныхъ развлеченій въ этомъ родѣ. Но часто взрослые берутъ дѣтей въ театръ съ собою. На всякой пьесѣ, въ театрѣ вы увидите нѣсколько дѣтей, часто совсѣмъ маленькихъ. сидящихъ еще на колѣняхъ у взрослыхъ, сначала растерянныхъ въ непривычной обстановкѣ театральнаго зала. потомъ дремлющихъ и просящихся «домой». Посѣщеніе театра такими зрителями, конечно, вредно во всѣхъ отношеніяхъ: дѣти переутомляются, разстраиваются до бреда, пріучаются къ фальшивому блеску. Еще вреднѣе оно для тѣхъ дѣтей, которыя уже

[1]) *Н. А. Рубакинъ.* Книжный потокъ. Р. М. 1904, кн. 4. стр. 167—169.
[2]) Тамъ же. Стр. 166.

въ состояніи уловить и запомнить кое-что внѣшнее изъ происходящаго на сценѣ. Кокетство, грубость, объятія, самоубійства—все это вызоветъ нездоровый интересъ въ дѣтяхъ и едва ли окупится тѣми добрыми вліяніями, которыя могутъ быть отъ нѣкоторыхъ положеній на сценѣ. Представленія спеціально для дѣтей даются въ городскихъ театрахъ раза два-три въ годъ (на праздникахъ), и то не во всѣхъ городахъ. Въ семьяхъ домашніе спектакли устраиваются очень рѣдко, нѣсколько чаще ихъ устраиваютъ въ городскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Нужно сказать, что въ богатѣйшей русской дѣтской литературѣ почти нѣтъ и пьесъ для дѣтскаго театра, удовлетворительныхъ въ литературномъ отношеніи [1]). Поэтому и дѣтскіе спектакли, въ лучшемъ случаѣ, даютъ дѣтямъ лишь безвредное пустое развлеченіе.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Умственное и нравственное воспитаніе въ городскихъ семьяхъ (продолженіе).—Обученіе грамотѣ до школы въ семьяхъ низшихъ классовъ. — Предметы дошкольнаго обученія въ интеллигентныхъ семьяхъ.—Гувернантка.—Обученіе языкамъ и музыкѣ. — Религіозное воспитаніе въ вѣрующихъ и невѣрующихъ семьяхъ. — Развитіе правосознанія и гражданственности. — Русскій идеализмъ. — Заключеніе.

Собственно, систематическаго обученія дѣтей дошкольнаго возраста въ Россіи не существуетъ. Материнскихъ школъ, какихъ множество во Франціи, у насъ нѣтъ. Дѣтскихъ садовъ— очень мало, только въ самыхъ большихъ городахъ (обыкновенно, дѣтскіе сады «французско-нѣмецкіе», ставящіе одною изъ главныхъ цѣлей практическое обученіе языкамъ). Въ низшихъ городскихъ слояхъ дѣтей до школы ничему не учатъ. Развѣ отецъ или мать, въ свободныя минуты, научитъ разби-

---

[1]) Подробнѣе о дѣтскихъ пьесахъ см. статью *Л. Тихѣевой*: Драматическая литература и театръ въ дѣтской жизни. (Глава II). Восп. и Обуч. 1897 г. № 3.—За послѣдніе годы появилось нѣсколько порядочныхъ бытовыхъ пьесъ, не указанныхъ въ упомянутой статьѣ.

рать по складамъ или считать «до двадцати», а то и «до ста» (верхъ ариѳметической премудрости поступающихъ въ школу). При этомъ часто учатъ чтенію по старому буквослагательному методу или какими-нибудь самодѣльными пріемами, не всегда дающими умѣнье сливать звуки и разлагать слова на звуки. Съ такими полуграмотными дѣтьми «домашняго обученія» въ школѣ потомъ иногда приходится биться больше, чѣмъ съ неграмотными. Счету, обыкновенно, учатъ лишь на словахъ, такъ что ребенокъ, умѣя назвать однимъ духомъ нѣсколько числительныхъ, тѣмъ не менѣе, не всегда можетъ считать предметы. Среди поступающихъ въ школу такіе счетчики попадаются довольно часто.

Въ болѣе интеллигентныхъ семьяхъ учатъ до школы грамотѣ, счету, а также языкамъ и музыкѣ. Но здѣсь рѣдко занимаются съ дѣтьми родители. Отецъ занятъ на службѣ, мать также отдается либо общественной дѣятельности, либо свѣтскимъ развлеченіямъ, второстепенные члены семьи рѣдко берутся за скучное дѣло воспитанія, да и не всегда имѣютъ для этого достаточную подготовку. И вотъ умственное и нравственное воспитаніе поручается боннамъ, гувернерамъ, гувернанткамъ, въ обществѣ которыхъ дѣти проводятъ время съ утра до вечера. Сравнительно рѣдко гувернантки бываютъ русскія, дѣвушки съ среднимъ, иногда и спеціальнымъ образованіемъ. Чаще въ гувернантки приглашаются француженки, англичанки, нѣмки. Недавно русскіе журналы обошла яркая статья о гувернанткахъ-иностранкахъ, выпукло характеризующая этихъ руководительницъ нашего воспитанія [1]). Приведу два-три отрывка изъ этой прекрасной статьи.

«Самый обыкновенный типъ гувернантки — расфранченная француженка съ напудреннымъ лицомъ и подкрашенными бровями. Разговоръ ея очень бѣденъ, онъ не выходитъ изъ круга бульварныхъ интересовъ... Нѣмки, кроткія или злыя, но боль-

---

[1]) *М. Камъ.* «Модное воспитаніе». «Недѣля». 1900. № 42.—Перепечатка подъ тѣмъ же заглавіемъ въ «Образованіи» 1900 г. № 11 и «О боннахъ-иностранкахъ» «Вѣстн. Восп.» 1900 г. № 12. — См. также «Восп. и Обуч.» 1890 г. № 8: «Какихъ боннъ мы получаемъ изъ Парижа».

шею частью недалекія, разсказываютъ дѣтямъ неизмѣнно исторію ихъ неудавшейся свадьбы, и грозятъ имъ мученіями на томъ свѣтѣ за то, что они не слушаются старшихъ. Часто видишь неуклюжую рослую дѣвушку съ огромными мозолистыми руками: это бывшая французская крестьянка или горничная, добрая и честная дѣвушка, но не получившая никакого воспитанія; она не говоритъ правильно даже на родномъ языкѣ. Или передъ вами пожилая протестантка, ханжа, родомъ изъ суровой семьи кальвинистовъ; она съ утра до вечера толкуетъ дѣтямъ о повиновеніи Богу, о грѣхахъ, о прощеніи, о подчиненіи жены мужу, о суетности міра и т. д. Есть еще много бойкихъ иностранокъ, высокодержащихъ знамя веселаго поведенія, которыя, благодаря природной ловкости, поступаютъ въ порядочные семейные дома»... «Въ Россію ѣдутъ почти исключительно или простыя необразованныя дѣвушки, занимавшіяся у себя на родинѣ продажею въ мелочныхъ лавкахъ или доеніемъ коровъ, или ужъ слишкомъ не «простыя»... Всѣ онѣ при переселеніи въ Россію лелѣютъ мечты совсѣмъ не педагогическаго свойства. Порядочная интеллигентная гувернантка-иностранка является крайне рѣдкимъ исключеніемъ.

Русскія матери очень снисходительно относятся къ умственному убожеству иностранныхъ гувернатокъ. Здѣсь важнѣйшія стороны воспитанія приносятся въ жертву внѣшнимъ казовымъ сторонамъ: хорошимъ манерамъ, бойкому иностранному говору. Для этого подготовка гувернатокъ является удовлетворительной, — большаго съ нихъ и не требуютъ. Но все-же, несмотря на непростительную снисходительность по отношенію къ гувернанткамъ, послѣднимъ рѣдко удается прожить въ одной семьѣ пять-шесть лѣтъ Обыкновенно, онѣ мѣняются постоянно, хотя причиною ихъ увольненія рѣдко является ихъ педагогическое невѣжество, а чаще — отсутствіе порядочности въ другихъ отношеніяхъ или же несогласіе съ хозяевами, которые часто обращаются съ гувернантками такъ же, какъ привыкли обращаться съ домашнею прислугой. И вотъ—гувернантки мѣняются чуть не ежемѣсячно, каждая ломаетъ дѣтей на свой ладъ, не успѣвъ еще узнать ихъ, а едва ознакомившись ближе—ухо-

дитъ. Это безпорядочная смѣна гувернантокъ не можетъ не отражаться на воспитанiи и обученiи дѣтей самымъ вреднымъ образомъ.

Необходимыми предметами обученiя въ семьяхъ высшихъ и среднихъ классовъ считаются языки и музыка. Языки преподаются (до школы), главнымъ образомъ, чисто практическимъ путемъ, съ помощью боннъ и гувернантокъ. Раннее обученiе языкамъ можно бы только привѣтствовать, если бы языки не занимали слишкомъ важнаго, почти исключительнаго положенiя среди предметовъ обученiя, препятствуя такимъ образомъ общему развитiю, и если бы при изученiи ихъ не практиковались слишкомъ искусственныя мѣры: дѣтямъ въ извѣстные дни не позволяютъ говорить по-русски, не даютъ русскихъ книжекъ и т. п. Кромѣ того, еще до школы, учатъ *сразу нѣсколькимъ* иностраннымъ языкамъ, что слишкомъ обременительно для маленькихъ дѣтей. Иногда получается нелѣпое явленiе (въ семьяхъ высшихъ классовъ, гдѣ дѣти наиболѣе удалены отъ жизни): русскiя дѣти лучше знаютъ чужiе языки и больше любятъ ихъ, чѣмъ «вульгарный», «мужицкiй» русскiй языкъ. Это презрѣнiе къ русскому языку, воспитанное въ дѣтствѣ, иногда сохраняется на всю жизнь. Нужно сказать, что подобное уродливое явленiе, считавшееся совершенно обычнымъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, теперь встрѣчается рѣдко. Въ сознанiе интеллигентныхъ классовъ все болѣе проникаетъ идея о желательности *нацiональнаго* воспитанiя, и прежде всего получилъ права гражданства «великiй, могучiй, правдивый и свободный русскiй языкъ».

Настоящимъ мученьемъ русскихъ дѣтей интеллигентныхъ семействъ является музыка. Обученiе музыкѣ почему-то считается обязательнымъ для дѣвочекъ, а во многихъ семьяхъ — и для мальчиковъ. Есть или нѣтъ у ребенка способности къ музыкѣ — это не принимается во вниманiе: все равно, нанимается гувернантка «съ музыкой» или же приглашается посторонній учитель-музыкантъ. Требовательные родители и неумѣлые учителя часто обращаютъ уроки музыки въ тяжелую повинность, насилуютъ трудными упражненiями, заставляютъ

часами зубрить безсмысленные экзерсисы, прибѣгаютъ къ помощи угрозъ и наказаній—и въ итогѣ, выучивъ кое-какъ бренчать на рояли, часто внушаютъ къ музыкѣ ненависть и отвращеніе [1]).

Религіозное воспитаніе въ Россіи—вопросъ крайне сложный. Насколько опредѣленна и однообразна картина религіознаго воспитанія въ селахъ, настолько же неопредѣленна и пестра она въ городахъ. Здѣсь въ различныхъ семьяхъ можно встрѣтить діаметрально противоположное отношеніе къ религіи, начиная съ признанія и строгаго исполненія всѣхъ, даже самыхъ мелочныхъ предписаній церкви (напр., въ купеческихъ семьяхъ), и до полнаго равнодушія, легкаго иронизированія или нетерпимой враждебности къ религіи, нерѣдко встрѣчающихся въ семьяхъ интеллигентныхъ классовъ. Въ религіозныхъ русскихъ семьяхъ часто дѣтей слишкомъ обременяютъ обрядностью: строгимъ соблюденіемъ всѣхъ постовъ, долгими церковными богослуженіями, ежедневными молитвами, — запугиваютъ грѣхомъ, чертомъ, адомъ. При этомъ не всегда считаются съ дѣтской натурой, съ дѣтскимъ темпераментомъ и, обременяя церковностью, съ дѣтства поселяютъ непріязнь и къ религіи. Именно изъ этихъ строго религіозныхъ семействъ выходятъ часто люди, относящіеся къ религіи съ ожесточенной и односторонней враждебностью. Въ семействахъ, отрицательно относящихся къ религіи, далеко не всегда это отрицательное или индифферентое отношеніе сознательно передаютъ дѣтямъ. Чаще всего въ такихъ семьяхъ продолжаютъ «слегка» воспитывать по-церковному: родители, равнодушные къ религіи, считаютъ нужнымъ изрѣдка сводить дѣтей въ храмъ къ причастію, учатъ съ ними молитвы и священныя исторіи и т. п.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ такъ воспитываютъ не изъ сознанія полезности религіознаго міровоззрѣнія для дѣтей, а просто по равнодушію къ вопросамъ воспитанія, потому что въ школьныхъ программахъ законъ Божій считается пред-

[1]) См. статью *Бемоля*: Какъ учатъ музыкѣ нашихъ дѣтей. «Вѣстн. Восп.» 1892 г. № 2.

метомъ обязательнымъ. потому что не хочется вводить что-то новое въ воспитаніе, давать дѣтямъ иные отвѣты на нѣкоторые вопросы о мірѣ и человѣкѣ, о добрѣ и злѣ, взамѣнъ отвѣтовъ церковныхъ. такихъ простыхъ и привычныхъ съ дѣтства. Родители разсуждаютъ такъ: «пусть ходитъ пока въ церковь. учитъ молитвы и заповѣди — кстати это нужно и къ экзаменамъ, — а тамъ видно будетъ». Но дѣти отлично замѣчаютъ недостатокъ искренности въ отношеніи родителей къ религіи, и «религіозное» воспитаніе въ нерелигіозной семьѣ порождаетъ въ дѣтяхъ лишь недовѣріе къ религіи и къ тѣмъ нравственнымъ предписаніямъ, какія на ней основываютъ, недовѣріе и къ самимъ родителямъ и ослабленіе ихъ нравственнаго авторитета. Откровенно безрелигіозное воспитаніе встрѣчается въ русскихъ семьяхъ крайне рѣдко.

Что касается развитія правосознанія—то это наиболѣе слабая сторона русскаго семейнаго воспитанія. Трудная задача—создать личность. съ яснымъ сознаніемъ своего человѣческаго достоинства, самолюбіемъ. настойчивостью, но безъ излишняго самомнѣнія, безъ склонности къ самодурству—эта задача русской семьѣ была до сихъ поръ не по силамъ. Прошлое русскаго государства создало черты рабства и самодурства, которыя до сихъ поръ проявляются и въ семейныхъ отношеніяхъ. Почти во всякой русской семьѣ есть деспотъ и свои рабы; первый пользуется максимумомъ правъ и несетъ минимумъ обязанностей. на долю послѣднихъ выпадаютъ почти однѣ обязанности, при минимумѣ правъ. Какая же роль при этомъ выпадаетъ дѣтямъ?

Еще недавно, нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, по понятіямъ. господствовавшимъ въ обществѣ, русскія дѣти не обладали въ семьѣ никакими правами. Онѣ должны были и въ важномъ и въ мелочахъ безпрекословно подчиняться желаніямъ, даже просто капризамъ родителей. Для иллюстраціи достаточно указать на положеніе дѣтей въ сочиненіяхъ Островскаго, Гл. Успенскаго, Салтыкова, Шеллера-Михайлова. Въ низшихъ слояхъ современной Россіи, въ Растеряевой улицѣ, и теперь остается то же отношеніе къ дѣтямъ: они не являются полно-

правными членами семьи, съ желаніями ихъ почти не считаются, ихъ дѣло - подчиняться, не разсуждая. Въ интеллигентныхъ же семьяхъ въ этомъ отношеніи встрѣчается другая крайность. Боясь забить дитя, даютъ ему почти полную свободу, угодливо исполняютъ всѣ дѣтскіе капризы, оставляютъ безнаказанными грубыя, злыя продѣлки. Въ этихъ семьяхъ родители теряютъ всякое вліяніе на дѣтей, и ужъ деспотами, капризными, безжалостными, являются дѣти.

Та или другая крайность встрѣчается постоянно въ русской семьѣ [1]). Обѣ онѣ являются одинаково неблагопріятными для воспитанія сильнаго и стойкаго характера, умѣющаго вліять не только на другихъ, но и управлять собою, подчинять свою волю велѣніямъ разума. Этотъ деспотическій строй семьи въ высшей степени неблагопріятенъ, между прочимъ, для развитія гражданственности, для воспитанія изъ ребенка борца и созидателя культурныхъ благъ. Впрочемъ, для этого не было въ русской семьѣ и другихъ условій. До послѣдняго времени въ большинствѣ русскихъ семействъ не было интереса къ общественной жизни. Заботы и разговоры ограничивались узкимъ кругомъ домашней жизни и личныхъ знакомствъ, и это не способствовало развитію у дѣтей широкаго кругозора, сознанія въ дѣтяхъ чувствъ общественности. «Моя хата съ краю, ничего не знаю»,—вотъ обывательская мораль, поддерживавшаяся до послѣдняго времени всѣмъ строемъ государственной жизни.

Между прочимъ, въ Россіи совсѣмъ нѣтъ дѣтскихъ обществъ, гдѣ дѣти принимали бы активное участіе, — если не считать десятка майскихъ союзовъ, едва ли насчитывающихъ нѣсколько сотъ членовъ.

Русскому человѣку въ высшей степени свойственъ идеалистическій образъ мыслей. Духъ идеализма живетъ въ народной религіозности, идеализмомъ проникнута вся русская литература. И несмотря на множество ненормальныхъ условій воспитанія, русскіе юноши, обыкновенно, идеалисты. Но до са-

---

[1]) См. статьи *Е. Некрасовой.* «Дѣти русскихъ и иностранцевъ». «Вѣстн. Восп.» 1898, № 1; *М. Безобразовой.* «Золотая середина воспитанія». «Восп. и Обуч.» 1903, № 2.

маго послѣдняго времени идеализмъ русскаго человѣка могъ свободно проявиться только въ области философіи, науки, мистицизма, религіи, въ сферахъ, болѣе или менѣе далекихъ отъ дѣйствительной жизни. Дѣйствительность противорѣчила даже основнымъ понятіямъ о правахъ человѣческой личности, но чтобы бороться съ дѣйствительностью, нужны были силы героическія. Отдѣльные борцы проявили и героизмъ, но нельзя было ожидать его отъ средняго человѣка, человѣка массы, который шелъ на компромиссы и либо переносилъ идеалистическое настроеніе въ болѣе отдаленныя области, либо совсѣмъ опускался, порвавъ съ тѣмъ, чему «въ юности всѣ мы отдавали дань». Отсюда постоянный, долгій, тягучій расколъ въ семьѣ, гдѣ отцы и дѣти являются обыкновенно людьми разныхъ міровоззрѣній, разныхъ вѣрованій. Теперь наступаетъ иное время.

Мы живемъ наканунѣ коренныхъ перемѣнъ, между прочимъ, и въ семейномъ воспитаніи. Конечно, эти перемѣны не могутъ происходить съ быстротою волшебной сказки, но все же эволюція въ этой области пойдетъ теперь ускореннымъ темпомъ. Что дѣлало гибельнымъ семейное воспитаніе въ деревнѣ? Бѣдность и невѣжество. И именно на борьбу съ ними, съ народной бѣдностью и народнымъ невѣжествомъ, поднялись теперь широкія общественныя силы. Что создавало хаосъ семейнаго воспитанія въ интеллигентныхъ семьяхъ? Отсутствіе общей національной системы воспитанія. Но она создается на нашихъ глазахъ, и мы видимъ, какъ идеи о необходимости національнаго воспитанія проникаютъ въ интеллигентную семью, какъ въ ней все болѣе правъ завоевываютъ себѣ русскій языкъ, русскія игры и пѣсни, русская литература. Что дѣлало безсильнымъ и отвлеченнымъ русскій идеализмъ и создавало хроническій расколъ въ семьѣ? Отсутствіе свободы, невозможность проявить лучшія силы въ широкой общественной дѣятельности. Но участіе въ государственномъ строительствѣ откроетъ русскому идеализму болѣе реальные пути. Кромѣ того, рядъ освободительныхъ реформъ измѣнитъ постепенно отношенія общественныя и семейныя и создастъ болѣе благопріятныя условія для развитія благороднаго и сильнаго характера.